ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

11.2

3 выпуска в год на множестве языков

Говорящая социология с Дастеном Хулианом — **Йоханна Зиттель, Валид Ибрахим**

Глобальное неравенство и пандемия — **Карин Фишер, Каджал Бхардвадж, Камила Джанелла, Кристина Ласкаридис, Лакистар Мияндази, Э. Венкат Рамнайя, Виха Эманди**

Новая роль государства? — **Джули Фрауд, Андреас Нови, Рихард Бэрнталер, Боб Джессоп, Клаус Дёрре, Валид Ибрахим, Даниэль Муллис**

Теоретические подходы — **Артур Буэно**

Социология встречается с искусством — **Дженни Тишер**

COVID-19: пандемия и кризис — **Маргарет Абрахам, Карина Баттиани, Эстебан Торрес, Махмуд Зауади, Алехандро Пелфини**

Открытый раздел

> **Социологи в гражданско-политическом поле**
> **Замалчивание партнерского насилия в Тринидаде и Тобаго**
> **Возможность заботиться о мире**
> **Люди как *homo culturus***
> **Террористические акты в Норвегии в июле 2011 года**

ЖУРНАЛ

ТОМ 11 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2021
https://globaldialogue.isa-sociology.org/

International Sociological Association

> От редакции

В разделе «Говорящая социология» этого номера *«Глобального диалога»* мы обсуждаем современное положение в Чили. Самый известный исследователь, работающий на пересечении социологии и истории, Дастен Хулиан в интервью, взятом Йоханной Зиттель и Валидом Ибрахимом, анализирует политические процессы, социальные протесты и прекарный труд в своей стране, а также отношения между социальными науками и обществом.

Пандемия COVID-19 произвела за последние полтора года фундаментальные изменения в повседневной жизни, а также привела к новым экономическим, социальным и политическим кризисам. ГД с самого начала пандемии старается осветить ее глобальные последствия. В этом номере Карин Фишер собрала симпозиум, в котором систематически обсуждаются связь пандемии и глобального неравенства на примере таких стран, как Индия, Перу, Великобритания и ЮАР. Хотя пандемия оказывает влияние на все население земного шара, «мы не находимся в одной лодке». Разработка вакцин, их маркетизация и (не)доступность, а также воздействие пандемии на здоровье и образование свидетельствуют о росте неравенства между бедными и богатыми странами, между Глобальным Югом и Глобальным Севером, между уязвимыми социальными группами, страдающими от экологического и экономического кризисов и теми, кто имеет возможность защитить себя.

Второй симпозиум посвящен значительным изменениям в отношениях между экономикой и государством. Ученые, продвигающие понятие базисной экономики, критикуют экономическую либерализацию последних десятилетий, анализируют ограничения базовой концепции экономического роста и продвигают идею о новых способах обеспечения сферы охраны здоровья, образования, питания, общественного транспорта и проч. в сочетании с инфраструктурами, которые формируются и контролируются демократическими институтами. Размышляя о меняющейся роли государства перед лицом пандемии, авторы обсуждают, насколько глубоко нынешние обстоятельства могут повлиять на экономику и политику в долгосрочной перспективе. Особое внимание уделяется авторитарным и демократическим трендам и новым вызовам, с которыми сталкивается социология перед лицом нового государственного вмешательства.

В теоретическом разделе Артур Буэно реконструирует неолиберальную эпоху последних десятилетий, которая привела к экономическим и социальным кризисам, а также к кризису субъектности. В центре его внимания депрессия; он обсуждает поворот от субъектности само-антрепренера *(self-entrepreneurship)* к истощению; от самореализации к отчуждению, а также обращает внимание на влияние протестных движений и авторитарной политики на новую субъектность и представления о будущем.

Художница Дженни Тишер вносит свой вклад в общественный дебат о возрастающей роли жизненно значимой работы *(essential work)* во время пандемии. Она стремится визуально отобразить значимость этого труда, рассказывая о двух коллажах, которые посвящены этого феномену.

В разделе о COVID-19 подчеркивается значение пандемии для социологии. В частности, Маргарет Абрахам анализирует сочетание роста пандемии с ростом домашнего насилия. Карина Баттиани и Эстебан Торрес обращаются к проблематике множественного социального неравенства; Махмуд Зауади анализирует возрастающее влияние языка ненависти; Алехандро Пелфини фокусирует внимание на процессах научения в обществе ковидной эпохи.

Последний, но не менее важный, «Открытый раздел» посвящен теоретическому анализу конкурирующих представлений о человечестве, а также недавним событиям и процессам, происходящим в разных странах, которые, с одной стороны, свидетельствуют о росте насилия, а с другой, о заботе и взаимопомощи. ■

Бригитте Ауленбахер и **Клаус Дёрре**,
редакторы *«Глобального диалога»*

> *«Глобальный диалог»* доступен на множестве языков на сайте МСА.
> Статьи присылайте на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

International Sociological Association

GLOBAL DIALOGUE

> Редакционный совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:
Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грейс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен Макдэниэл, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаястха, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: *(Тунис)* Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; *(Алжир)* Сурайя Мулуджи Гарруджи; *(Марокко)* Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; *(Ливан)* Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хондкер, Хайруль Чаудхури, Абдур Рашид, Ашис Кумер Баник, А. Б. М. Наджмус Сакиб, Биджой Кришна Баник, Эашрат Джахан Аймун, Экрамуль Кабир Рана, Хелаль Уддин, Джувель Рана, М. Омар Фарук, Масудур Рахман, Мохаммад Шахин Актар, Мохаммад Джасим Уддин, Мохаммед Джахируль Ислам, Рума Парвин, Сабина Шармин, Салех Аль-Мамун, Саркер Сохель Рана, Себак Кумар Саха, Шахидуль Ислам, Шамсуль Арефин, Шармин Актер Шапла, Сика Парвин, Ясмин Султана.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Гирадо Нето, Жессика Массини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Маниш Ядав, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибуддин, Домингтус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Ниайеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухамад Муталлеби.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Юстына Кощиньская, Джонатан Сковил, Сара Герчиньская, Вероника Пек, Александра Вагнер, Александра Бернацкая, Якуб Барщевский, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Ивона Бояджиева.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Юлиан Габор, Моника Георгеску, Йоана Януш, Бьянка Михэйлэ.

Тайвань: Вань Цзюй Ли, Тао Юн Лу, Цзун Жэнь Хун, Сюань Ли Жэнь, Юй Цзя Чжэнь, Юй Вэнь Ляо, По Шун Хун, Кёрк Чжи Хао, И Шуо Хуан.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

*В интервью с **Дастеном Хулианом** мы обсуждаем недавние массовые протесты в Чили, последующий процесс подготовки новой Конституции и возможные роли вовлеченных социологов перед лицом всепроникающей прекарности.*

*Пандемия COVID-19 обнажила и усилила существующие неравенства в богатстве и доходах по гендерному и расовому признакам. Этот тренд проявляется на уровне национальных государств и, в особенности, на глобальном уровне. Развитие, маркетизация и доступность вакцин, а также воздействие пандемии на здоровье и образование свидетельствуют о росте **глобального неравенства** между бедными и богатыми странами, Глобальным Севером и Глобальным Югом, уязвимыми группами, которые уже страдают от экологических или экономических кризисов и теми, кто обладает ресурсами, чтобы защитить себя.*

*Этот симпозиум обсуждает отношения между государством и экономикой. Участники показывают, как меры, принимаемые различными государствами в ответ на пандемию, влияют на будущие формы управления, и какие формы принимает **вмешательство государства** в настоящих условиях. Если мы наблюдаем возникновение новой формы государственной интервенции, то интересно, будет ли она авторитарной или демократической по своим характеристикам?*

ГД

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications.**

> В номере

От редакции 2

> ГОВОРЯЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Социология во время кризиса.
Интервью с Дастеном Хулианом
Йоханна Зиттель, Валид Ибрахим, Германия 5

> ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПАНДЕМИЯ

COVID-19 и глобальное неравенство
Карин Фишер, Австрия 9

Люди превыше прибыли: COVID-19 требует действий
Каджал Бхардвадж, Индия 10

Вакцины от COVID-19: открытие глобального неравенства
Камила Джанелла, Перу 12

Сохранение разрыва между кредиторами и должниками
Кристина Ласкаридис, Великобритания 14

Проблемы сокращения бедности и неравенства в Африке
Лакистар Мияндази, ЮАР 16

Катастрофы-близнецы в Индии – незавершенная повестка
Э. Венкат Рамнайя и Виха Эманди, Индия 18

> НОВАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА?

Базовая экономика как ключ к социальному обновлению
Джули Фрауд, Великобритания 20

Экономика будущего и государство
Андреас Нови и Рихард Бэрнталер, Австрия 22

COVID-19: новая артикуляция государства и экономики
Боб Джессоп, Великобритания 24

Возвращение Левиафана! Государство «короны» и социология
Клаус Дёрре, Валид Ибрахим, Германия 26

COVID-19: Создание опасных мест в Германии
Даниэль Муллис, Германия 28

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

После депрессии: пост-неолиберальный субъект
Артур Буэно, Германия 30

> СОЦИОЛОГИЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ИСКУССТВОМ

Визуальная репрезентация невидимой работы
Дженни Тишер, Австрия 33

> COVID-19: ПАНДЕМИЯ И КРИЗИС

Домашнее насилие во время глобальной пандемии
Маргарет Абрахам, США 35

Ковидный кризис: новые социологии и феминизмы
Карина Баттиани, Уругвай; Эстебан Торрес, Аргентина 37

Пугающий глобальный эффект COVID-19
Махмуд Зауади, Тунис 39

Постпандемийные сценарии:
от адаптации к коллективному научению
Алехандро Пелфини, Аргентина 41

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Социологи в гражданско-политическом поле
Фреди Алдо Мачедо Уаман, Мексика 43

Замалчивание партнерского насилия
в Тринидаде и Тобаго
Аманда Чин Панг, Тринидад и Тобаго 45

Возможность заботиться о мире
Франческо Ларуффа, Швейцария 47

Люди как *homo culturus*
Махмуд Зауади, Тунис 49

Террористические акты в Норвегии 22 июля 2011 года
Пол Халворсен, Норвегия 51

“Во многих случаях экономический рост сопровождается человеческими страданиями и экологическими катастрофами”

Франческо Ларуффа

> Социология во время кризиса

Интервью с Дастеном Хулианом

Дастен Хулиан.

Д-р **Дастен Хулиан** — исследователь и научный сотрудник Института истории и социальных наук Университета Аустраль в Чили. В настоящее время — руководитель проекта «Прекарность работы в южной макрозоне Чили: переплетения, территории и сопротивление в провинциях Мауле, Био-био, Араукания, Нюбле» (2020–2023). Проект финансируется Национальным Советом Чили по Исследованиям и Разработкам. Хулиан также является сотрудником Института исследований общества, работы и политики (SWOP) Университета Витватерсранда в Йоханнесбурге (ЮАР). Дастен Хулиан — выпускник Университета Фридриха Шиллера в Йене (Германия). В сферу его интересов входят проблемы прекаризации работы и жизни, стратегии профсоюзов и организаций, экстрактивизм, публичная социология, а также работа на Глобальном Юге. Он проводит исследования в тесном сотрудничестве с гражданским обществом, профсоюзами и НГО.

Интервьюеры: **Йоханна Зиттель** и **Валид Ибрахим,** научные сотрудники Факультета индустриальной и экономической социологии Университета Фридриха Шиллера в Йене (Германия).

Как происходили социальные протесты в Чили в 2019 году? Мы помним, что они вспыхнули после резкого подъема оплаты проезда на общественном транспорте. Была ли эта просто разовая вспышка недовольства или за событиями стоит что-то большее, поскольку состояние сферы общественных услуг и конфликты могут сказать многое о состоянии общества?

Социальные протесты исторически порождены Конституцией, принятой во время гражданско-военной диктатуры Аугусто Пиночета (1973–1990), систематически подавлявшей демократические силы, и мошенническим плебисцитом 1980 года. Чили – это единственная страна Латинской Америки, в которой до сих пор действует конституция, принятая во время военной диктатуры. Ее настойчивое присутствие в социальной жизни по-прежнему ощущается, потому что она жестоким тоталитарным способом проложила путь неолиберальным программам. Это означает, что благодаря бескомпромиссной и беспрецедентной коммодификации в течение последних пятидесяти лет чилийское общество интенсивно прекаризируется и подвергается грабежу.

Именно эти условия стали частью политического консенсуса, достигнутого двумя коалициями, которые управляли Чили с 1990 года. Консенсус сохранял примат неолиберального порядка по двум осям: 1) доверие к рынку как механизму размещения социальных благ и социальной интеграции; 2) сохранение Конституции Пиночета, препятствующей демократизации политической системы. Этот период (1990–2019 гг.) называется «демократическим переходом», что означает постепенную демократизацию, необходимую для восстановления определенных оснований сосуществования и демократической организации общества. Однако система и институциональные политические акторы блокировали каналы участия и активного принятия решений большинством, а эконо-

>>

мическая модель демонстрировала высокие показатели роста.

Системный процесс недоверия и делегитимации политической системы вынашивался в течение длительного времени. Экономический сговор, случаи нелегального финансирования политических кампаний, неприкосновенность бизнесменов в судах и проч. были симптомами того, что общество оказалось в ловушке сетей власти, укрепленных во время диктатуры. Лозунг «Чили проснулась!» отображает этот момент откровения и сопротивления, осознания происходящего, идентификации и отношения к власти. В ответ правительство «объявило войну» протестующим: оно нарушало права человека (8 827 формальных жалоб в судах) и арестовывало демонстрантов (до 27 432 случаев), что является проявлением авторитарной, консервативной и милитаристской официальной политики.

Чилийские протесты также являют собой сочетание различных субъективностей и географий. Молодые люди, женщины и пожилые, представители коренных народов, мигранты и др. разрабатывают репертуар альянсов спонтанным и координированным образом. Настоящее и прошлое сближаются благодаря поколенческому столкновению с политической памятью в приватном и публичном пространствах. Политическое проявляет себя в эстетике, художественном творчестве, музыке, на улицах, в сельской местности, на собраниях, в разговорах, в виртуальном пространстве и проч. Нашему обществу пришлось глубоко переосмыслить себя в культурном, политическом и символическом смыслах, и это связано с целью обретения «достоинства» и представлениями обычного права. Это переосмысление выявило конститутивный и самобытный элемент чилийского общества, характерный для него социальный контракт, его основания, его Конституцию.

Как сейчас выглядит процесс разработки Конституции? Можно ли выделить актора, наиболее важного на сегодняшний день? Играют ли в этом процессе какую-то роль социальные ученые или доминируют эксперты в области права?

Национальный референдум состоялся год назад – 26 апреля 2020 года. В нем участвовало 7 млн человек. Более 78% голосовавших, т. е. около 5,8 млн граждан, выступило за разработку новой Конституции. Новая Конституция должна быть разработана людьми, избранными в специальный орган (Конституционный Конвент) без участия Конгресса.

В настоящее время главным является процесс создания Конституции, поскольку 11 апреля состоятся выборы членов Конституционного Собрания[1]. Его состав определяется результатом дискуссии о гендерном паритете и представительстве коренных народов. Эти принципы реализуются не в результате голосования, а с помощью государственного вмешательства и политического лоббирования. Такие процедуры требуют постоянного контроля над процессами принятий решений в Конгрессе. Коллективный контроль продемонстрировал институциональную рамку конституционного процесса и показал, что создание Конституции приобрело новое политическое значение: оно способствует воссозданию партийной системы

Хотя протесты в Чили имели антипартийную направленность, фокусировались на массовых действиях и в целом были критически настроены в отношении политической системы, именно государственные органы, в конце концов, канализировали и формировали конституционный процесс. Независимые силы и их кандидаты столкнулись с рядом сложностей и неравными условиями подготовки к выборам по сравнению с кандидатами - членами политических партий. Эти неравные возможности, среди прочего, проявляются в препятствиях к регистрации кандидатов, финансировании и участии медиа. Все это мешало организации независимых сил, которые и без того являются фрагментированными и сильно распыленными.

Пандемия ограничила возможности проведения собраний и дебатов, необходимых для обсуждения и подготовки предложений. Социальные ученые представили ряд аналитических комментариев, содержащих критический и рефлексивный взгляд на конституционный процесс с целью разоблачения и коллективного осознания нарушения прав человека. Так социологи выполняли публичную роль, оставляя в стороне академический хабитус и обращаясь к вызовам настоящего момента. Однако большинство этих интервенций ограничивалось виртуальным пространством или традиционными медийными форматами книг, научных статей и проч., что затрудняло их доступ к широкой публике, а значит и снижало диапазон влияния. Тем не менее, социальные науки помогли сформировать общественное понимание отношений между ангажированностью, наукой и знанием.

Какая часть Вашей научной работы особенно значима для актуальных политических споров в Чили? Назовите проблемы или области социальной жизни, особенно релевантные для сочетания ангажированной социальной науки и политической деятельности.

Я занимаюсь изучением прекарности в работе и жизни. Я стремлюсь выявить культурные, субъективные, экономические и территориальные характеристики работы и жизни в чилийском обществе, которые пронизывают переплетения власти. Я стремлюсь установить рабочую платформу на местном уровне для взаимодействия социальных, экологических и профсоюзных организаций. При этом мобилизуются связи с глобальными исследовательскими сетями и усиливается сплоченность национального научного сообщества исследователей трудовых отношений.

>>

Изучая процесс социальной прекаризации, я смог показать, что работа, занятость и безработица считаются критическими условиями жизни людей. Качественные характеристики наемного труда, его оплата, степень автоматизации, доходы, введение платформ, слабость системы социальных прав оказывают существенное давление на жизнь людей. Наличие долгов, поиски неформальной или дополнительной работы – все эти вопросы обсуждаются в категориях достойной или прекарной жизни. Многие из этих проблем являются ключевыми для политических и социальных споров в Чили. Они подчеркивают прекарность молодежи, женщин, мигрантов, пожилых людей и проч.

Как вы считаете, должна ли социальная наука брать на себя ответственность, особенно во время конфликтов, или она действует в другой временной рамке, возможно более длительного временного диапазона?

Несколько людей и рабочих групп стараются навести мосты между социальной наукой и обществом, стараясь подчеркнуть и продемонстрировать значимость научного знания в процессах принятия решений, действиях и демократическом выборе. Существующий разрыв между миром исследований, публичной сферой и, в особенности, действиями общественных движений необходимо преодолевать. На самом деле феминистские, экологические и другие общественные движения уже активно движутся в этом направлении и подают нам пример.

Что касается ответственности социальных наук, то она становится яснее во время кризиса. Конфликт зачастую является симптомом кризиса и в то же время является предвестником изменений. Этот процесс часто является исходной точкой социальных исследований. Мой личный опыт в социологии представляет собой ответ на решение неотложной проблемы. Прекаризация и хищничество достигли такого масштаба, что я должен был действовать, делать что-то в настоящее время. Мои действия стали возможными в условиях прекарной, неопределенной и ускользающей современности. Такая позиция содержит свои противоречия и негативные стороны, поскольку она затрудняет концептуализацию будущего (что очевидно означает нехватку утопической концепции), но в то же время она обучает новому более практическому и активному способу сочетания утопии и знания.

Есть ли у Вас возможность представлять результаты исследований публично за пределами научного сообщества? Проявляют ли политические акторы интерес к результатам социальных исследований?

Мой опыт показывает, что так оно и есть. Но, я думаю, вопрос заключается не в представлении результатов, а, скорее, в работе по строительству сетей и путей для обмена знаниями, для диалога и совместного творчества. Мы постоянно взаимодействуем с организациями, ассоциациями, профсоюзами и проч. Мы стараемся настроить нашу исследовательскую повестку на изучение реальных проблем общества, на социальную диагностику, возникшую в пространствах диалога. Мы стремимся выработать гармонический подход к глобальным научным проблемам и общественным проблемам региона.

Именно так была создана платформа *Grupo de Estudios del Trabajo desde el Sur* (*GETSUR*). *GETSUR* – это локальная территориальная рабочая платформа, основанная на глобальных исследовательских сетях, которая стремится укрепить социальные и профсоюзные организации. Мы содействуем синергии и симбиозу с потребностями профсоюзов и для этого используем возможности университета, как в отношении инфраструктуры и логистики, так и в отношении возможностей производства знания и проведения конкретных исследований. Мы изучаем социальные проблемы, информируем о них и подвергаем их рефлексии.

Октябрьский протест стал значимой вехой для социальных наук. Как ученые мы наблюдаем наше собственное пробуждение. Возможности участия в этом пробуждении также возрождает и придает бодрости. Я уверен, что понятие прекарности является полезным аналитическим инструментом, который позволяет нам двигаться в этом направлении.

Вы занимаетесь исследованиями прекарности и уязвимости рынка труда и влиянию этого процесса на воспроизводство общества. Однако, Вы также участвовали в проектах по созданию моделей переработки отходов (ресайклинг) совместно с соседскими сообществами и правительственными структурами Темуко. Не могли бы Вы рассказать подробнее об этом опыте и назвать конкретные вызовы такого типа исследований?

Конечно. Этот опыт сотрудничества с другими локальными акторами возник на пересечении любопытства, педагогики и сензитивности. По вопросам ресайклинга я сотрудничал с чилийской НГО, которая называется *Red de Acción por los Derechos Ambientales* (*RADA*). Она сотрудничает с различными социальными движениями, общинами народности мапуче, территориальными организациями провинций Араукания и Воллмапу. Они разработали стратегию и план управления отходами «Нулевой мусор» в городе Темуко, которые получили государственную поддержку от Фонда защиты окружающей среды в 2017 г.

Мы начали исследование, сопровождая проект закрытия городской свалки (в декабре 2016 г.), которая функционировала с 1992 года. Свалка заразила грунтовые воды в западной части города, где проживают

>>

22 общины народности мапуче. Несколько исследований подтвердили ухудшение здоровья населения. Для смягчения разрушительных последствий жертв экологического бедствия, правительство усилило инвестиции в сферу услуг и инфраструктуру. Заражение грунтовых вод повлияло на местную экономику, условия жизни и окружающей среды. Но прекарность привела к тому, что многие люди считали, что работа на свалке создает возможности поддержать себя экономически, работая в сфере ресайклинга и продажи отходов.

В 2016 году я создал кадастр неформальных ресайклеров и уборщиков мусора на этой свалке. До закрытия свалки вместе с *RADA* я принял участие в создании профсоюза ресайклеров. Профсоюз состоит из 62 членов; некоторые из них – это живущие вблизи свалки мапуче, другие – проживают в бедных квартала Темуко. Многие считают ресайклинг семейным делом. Я проводил исследование совместно со студентом, который изучал процесс закрытия свалки и формирование экономических альтернатив ресайклингу. В этих обстоятельствах, обсуждая предложения профсоюза по созданию экономического пространства для заработка, мы решили создать проект защиты окружающей среды.

Как, по Вашему мнению, связаны между собой две сферы исследований – прекарность и локальные экологические инициативы?

Мой опыт как раз показывает эту связь. Мы начали работать на первом узле этой связи: мы занимались прекарностью переработчиков мусора и жителей мапуче, которые живут вблизи свалки и в полной мере испытывают на себе экологический расизм. Оба типа уязвимости переплетаются, и это дает возможность осмыслить развитие, общество, работу, природу и жизнь. Они конфликтуют друг с другом: свалка, ее устройство, ее действие и ее закрытие.

Изучение мусора как продукта общества, ориентированного на потребление, и материальности экологической неустойчивости, показало нам, как вокруг него множатся разные виды прекарности. Рабочие живут за счет мусора. Есть люди, которые в мусоре ищут себе что-то для пропитания. Это свидетельство крайней бедности и социального небрежения. Именно поэтому перед закрытием свалки, неформальный труд, который в основном использовался в переработке мусора, привел к созданию новой зоны социального исключения, где более трудно выработать устойчивые стратегии поиска пропитания. Организация профсоюза не гарантирует политической силы, поскольку институциональное устройство способствует хрупкости рабочих организаций. Однако этот опыт позволил нам подумать о том, какая ассоциация может стать альтернативой обычного профсоюза.

Целый ряд кризисов угрожает человеческому существованию и ведет к умножению уже не рисков, а прекарности жизни. Я убежден, что текущие политические дебаты приводят к формированию политической чувствительности. Особенно важными в этом отношении являются действия и идеи феминистского, экологического и антиколониального движений, которые предлагают нам переосмыслить понятия острой необходимости, кризиса и приверженности перед лицом хищнического, воинствующего и жадного капитализма.

Адрес для связи: Dasten Julián <dasten@gmail.com>

[1] Выборы были отложены из-за пандемии. Они состоятся 15 и 16 мая 2021 года.

> COVID-19 и глобальное неравенство

Карин Фишер, Университет Иоганна Кеплера, Австрия

"COVID-19 представляет собой глобальную проблему. При этом, чем ближе подступает проблема и чем она тяжелее, тем в большей степени горизонт ее рассмотрения ограничивается националистической, а иногда и еще более узкой перспективой"

Коронавирус ни для кого не делает исключения и не уважает государственные границы. По данным ООН, индекс человеческого развития – комплексный показатель, охватывающий индикаторы образования, здоровья и уровня жизни – неуклонно падает впервые с 1990 года. Снижение индекса прогнозируется в большинстве стран мира, как в богатых, так и в бедных.

Это наблюдение не следует трактовать как симптом «эгалитарного тренда». COVID-19 показал, что мы отнюдь не в одной лодке. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отметил: «Хотя все мы плывем по одному морю, ясно, что кто-то путешествует на яхтах, а кто-то цепляется за плывущие бревна». Пандемия обнаружила неравенство по критериям богатства и дохода, гендера и расы, как в рамках национальных границ, так и, особенно выраженно, на глобальном уровне.

Крайне неравное воздействие пандемии обнаруживается в разных масштабах – на уровне домохозяйства, на субнациональном уровнях и между странами. Статьи этого раздела представляют весьма широкий взгляд на неравенство между Севером и Югом. Три темы – три критерия - иллюстрирует глубоко укоренное неравенство между бедными и богатыми странам: неравный доступ к вакцинам COVID-19, лечению и технологиям; бремя государственного долга и неравенство в финансовых отношениях; неравная уязвимость в отношении климатических изменений.

Статья Каджал Бхардвадж освещает соглашение ТАПИС, ключевое для существующего мирового режима торговли, который гораздо больше ценит права интеллектуальной собственности и доходы частных фирм, чем право человека на здоровье. Монопольные права компаний создают эффект «вакцинного апартеида» или «вакцинного империализма» – неравную, несправедливую и шокирующую борьбу за вакцины COVID-19. В своей статье Камила Джанелла рассматривает Перу как одну из стран, включенную в глобальную неравную борьбу за вакцину. Компания *Pfizer* поместила Перу на самое последнее место списка поставок вакцины после того, как правительство этой страны не подписало несколько статей соглашения о покупке вакцины. Это решение принято, несмотря на то, что Перу демонстрирует один из наивысших показателей распространения COVID-19 и смертности от этого заболевания среди стран Латинской Америки.

Пандемия и вызванная ею глобальная рецессия загоняют страны в долговую ловушку. И эта ситуация характерна не только бедных стран. По данным Глобального мониторинга долгов за 2021 год, 132 из 148 стран Глобального Юга, охваченных этим исследованием, являются должниками и находятся в связи с этим в критическом положении. Кристина Ласкаридис демонстрирует географию неравенства в отношении государственных долгов при COVID-19. Она убедительно показывает, что долговая политика – это глобальная силовая игра, которая оказывает огромное влияние на условия жизни людей. Лакистар Мияндази дополняет эту картину анализом глобальной географии неравенства в доходах: незаконные финансовые потоки направляются из беднейших стран мира прямо в карманы конкретных лиц, торговых «партнеров», штаб-квартиры транснациональных корпораций и налоговые убежища на Глобальном Севере. Исследовательница отмечает, что ежегодно Африка теряет долю дохода равную сумме ежегодной официальной помощи на развитие и иностранных инвестиций. Таким образом, эти страны не имеют налоговых поступлений, которые они могли мы направить на развитие своей экономики или финансирование программ социальной защиты в ответ на пандемию COVID-19. Обязательства по долговым выплатам и незаконные финансовые потоки будут и далее душить экономику этих стран и препятствовать долгосрочному развитию, что и показывает пример Замбии.

Последней по порядку, но не по значимости, является статья Э. Венката Рамнайи и Вихи Эманди, посвященная феномену «катастроф-близнецов», примером которого является экспонентный рост заболеваемости коронавирусом и экологической уязвимости в некоторых регионах Индии. Они показывают, что социально-экономическое воздействие пандемии усиливается такими экологическими катастрофами, как наводнения и циклоны. И снова мы видим, что последствия этих катастроф распределяются не равным образом; они в большей степени затрагивают тех, кто больше страдает от пандемии.

COVID-19 представляет собой глобальную проблему. При этом чем ближе подступает проблема и чем она тяжелее, тем в большей степени горизонт ее рассмотрения ограничивается националистической, а иногда и еще более узкой перспективой. Авторы раздела напоминают: никто в отдельности не может считаться в безопасности, пока в безопасности не будем все мы! ■

Адрес для связи: Karin Fischer <Karin.fischer@jku.at>

> Люди превыше прибыли: COVID-19 требует действий

Каджал Бхардвадж, специалистка в области права, Нью-Дели, Индия

Группы Global Justice Now *[Глобальная справедливость сейчас] и The People's Vaccine [Народная вакцина] проводят компанию за глобальное вакцинное равенство около здания Ассоциации британской фармацевтической промышленности, Вестминстер, Лондон, 2021. Фото: Flickr: Jess Hurd/Global Justice Now.*

В 2001 году Всемирная торговая организация столкнулась с тем, что многосторонние обязательства по защите прав интеллектуальной собственности, прописанные в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (*TRIPS*), находятся в противоречии с глобальными попытками противостояния пандемии ВИЧ. В то же время транснациональные фармацевтические корпорации выдвинули обвинение против президента ЮАР Нельсона Манделы за правовое регулирование импорта доступных дженериков лечения ВИЧ. Эти компании, будучи держателями патентов на медикаменты, продавали лекарства за десятки тысяч долларов, а дженерики патентованных средств стоили всего доллар в день. Компании обвиняли правительство ЮАР в том, что оно нарушило соглашение *TRIPS.* Глобальное возмущение в отношении фармацевтических фирм, начавших преследование, привело к тому, что все члены ВТО приняли Дохинскую декларацию по соглашению *TRIPS* и общественному здравоохранению. Декларация подтверждает, что страны имеют право интерпретировать соглашение *TRIPS* таким образом, чтобы оно поддерживало их право на защиту общественного здоровья и обеспечение доступности лекарства для всех и каждого.

> COVID-19 и барьеры соглашения *TRIPS*

Двадцать лет спустя во время пандемии COVID-19 две трети членов ВТО потребовали, чтобы обязательства по защите интеллектуальной собственности, прописанные в соглашении *TRIPS*, были аннулированы. Гибкость трактовки Соглашения по вопросам обязательного лицензирования, параллельного импорта или строгости стандартов патентирования, зафиксированная Дохинской Декларацией, помогла странам обеспечить доступ к лечению ВИЧ, гепатита С, рака и сердечных заболеваний. Недавно Индия и ЮАР выдвинули предложения о полной отмене барьеров интеллектуальной собственности, предоставлении странам и конкурентам возможности свободно заниматься исследованиями, разработкой и производством любой технологии оздоровления в условиях быстро распространяющихся и мутирующих инфекционных заболеваний, подобных COVID-19. Снятие барьеров позволит сократить время на сложные переговоры о лицензировании, не опасаясь многомиллионных исков за нарушение прав интеллектуальной собственности и не боясь торгового давления богатых стран.

>>

Как и ожидалось, богатые страны утверждают, что права интеллектуальной собственности не создают барьеров для борьбы с инфекцией. Однако на мрачном фоне годовщины пандемии (когда написана эта статья) мы сталкиваемся с другими свидетельствами. Внимание всего мира сегодня приковано к неравной, несправедливой и шокирующей борьбе за вакцины и к тому, что все в большей степени расценивается как «вакцинный апартеид»; эта несправедливость с самого начала определяла меру доступности масок, диагностики, оборудования и лечения.

Для широкой публики понимание того, что богатые пользуются правами на защиту интеллектуальной собственности, пришло из новостных сообщений о том, что итальянские исследователи, разрабатывающие *3D* распечатки дыхательных клапанов для вентиляции легких, могут ответить перед законом за нарушение прав интеллектуальной собственности. Сенатор США обратился к фирме *3M*, которая имеет сотни патентов на дизайны масок, с призывом отказаться от патентов и увеличить поставки. В Нидерландах угрозы правовых исков заставили фармацевтическую кампанию Роше раскрыть свои инструкции по тестам на COVID-19. Цена сорокопятиминутного теста на COVID-19 от компании *Cepheid* стоит $ 19,80, но могла бы составлять только $5, что и вызвало осуждение групп гражданского общества. Американский концерн *Gilead* продает антивирусный препарат ремдисивир по цене $ 2340. Множество лицензий, которыми они снабжают ограниченное число развивающихся стран стоит $ 320. При этом исследователи из Ливерпуля подсчитали, что при массовом производстве цена лекарства была бы менее $ 6.

В богатых странах каждую секунду вакцинируется один человек, а в большинстве беднейших стран трудно достать одну единственную дозу. На Глобальном Юге существует значительный потенциал изготовления вакцин, но защита интеллектуальной собственности, включающей патенты, торговые секреты и данные, мешают ему реализоваться. Данные Европейского патентного агентства включают сотни патентов, имеющих отношение к вакцинам против коронавируса. Исследования показывают, что патенты на вакцину имеют широкий охват и распространяются на различные ингредиенты, технологии, возрастные группы и дозировки. Защита торговых секретов позволяет производителям вакцин придерживать знания, которые помогли бы другим производителям быстро масштабировать производство. Очевидно, что закрытость данных и рынка, скорее всего, создаст дальнейшие барьеры для их регистрации.

> Углубление разрыва в лечении на Глобальном Севере и Глобальном Юге

Оксфордская вакцина *AstraZeneca* должна была бы быть запущена в массовое производство на условиях правил неэксклюзивного лицензирования интеллектуальной собственности на ее технологию, установленных Университетом Оксфорда. Вместо этого некоторые производители заключили эксклюзивную сделку на Астразенеку, которая предполагает оформление секретных сублицензий. Производственные мощности для изготовления этой вакцины явно недостаточны, поскольку дозы из Индии просачиваются в некоторые развивающиеся страны. К тому же не соблюдаются обещания низких цен, поскольку бедные страны платят, согласно отчетам, от трех до восьми долларов США за дозу.

Интересно, что такие богатые страны, как Франция, Германия и Канада, одними из первых приняли легальные меры для облегчения обязательного лицензирования, связанного с COVID-19. Израиль выпустил обязательную лицензию на антивирусные препарат лопинавир/ритонавир [*Lopinavir/Ritonavir*]. Венгрия и Россия лицензировали ремдесивир [*Remdesivir*]. Давление правительства часто приводят тому, что фирмы меняют свое поведение в отношении интеллектуальной собственности. Принудительное лицензирование в Израиле привело к тому, что американская публичная биофармацевтическая компания *AbbVie* объявила, что она больше не защищает свои патенты на лопинавир/ритонавир на глобальном уровне. Группы пациентов в Индии, Таиланде и Аргентине подали заявки на приобретение патентов на ремдесивир и фавипиравир. Канадский производитель публично добивался лицензии на вакцину *Johnson & Johnson* и может получить принудительную лицензию.

Богатые страны потратили миллионы бюджетных средств на разработку антиковидных вакцин, тестирование и лечение. И хотя их расходы на борьбу с пандемией очень велики, они сталкиваются с перебоями поставок. Вместо того, чтобы использовать легальные инструменты для уничтожения барьеров, связанных с действием прав на интеллектуальную собственность, содействовать распространению знания и увеличить производство, они раскупают все произведенные средства и усиливают ограничения экспорта. Более того - не существует требований прозрачности действий компаний в отношении производственных мощностей, цен или соглашений. Как утверждают эксперты, некоторые договоры предполагают, что страны возмещают компаниям убытки, связанные с неблагоприятными реакциями на вакцинирование, или выставляют государственные активы, например посольства, в качестве залога. В то время как бизнес-компании подрывают механизмы добровольной взаимопомощи, отказываясь от технологии доступности, продвигаемой ВОЗ, или ограничивая поставки предприятию *Covax* на цели справедливого распределения вакцины, ассоциации фармакологических кампаний усиливают лоббирование против правительств и структур ООН, которые стремятся преодолеть барьеры интеллектуальной собственности. ВОЗ и структуры ООН открыто выступили с предложением приостановить действие соглашения *TRIPS*. Но управление МТО продолжало прятать голову в песок, упрямо продвигая право выбора в этом вопросе. Несмотря на то, что эти позиции казались все более устойчивыми, 5 мая 2021 года после многомесячных акций активистов, требующих отменить соглашение *TRIPS*, представитель США в ВТО сделал поразительное заявление о поддержке этого требования, однако, только в отношении вакцин против COVID-19.

Хотя этот шаг США способствует продвижению переговоров об отмене соглашения *TRIPS*, очевидно, что весь прошлый год мы ожидали, чтобы бизнес принял правильное решение. Призывы в поддержку «народной вакцины» становятся все громче. В то время как появляются новые правила, такие бедные страны, как моя, сталкиваются с катастрофическими, следующими друг за другом волнами пандемии, смертями и заболеваниями COVID-19, которые обрушиваются на пациентов, их семьи и систему здравоохранения. У нас больше нет времени на налаживание сложных торговых правил, которые отдают предпочтение не жизни людей, а прибыли бизнеса. Отмена соглашения *TRIPS* станет первым шагом на пути гарантированного доступа всех и каждого к технологиям борьбы с COVID-19. ■

Адрес для связи: Kajal Bhardwaj <k0b0@yahoo.com>

> Вакцины от COVID-19: открытие глобального неравенства

Камила Джанелла, Центр социологических, экономических, политических и антропологических исследований (CISEPA), Тихоокеанский католический университет, Перу

Распределение вакцины воспроизводит те же паттерны глобального неравенства, которые существовали до пандемии. Фото: FrankyDeMeyer/Getty Images/iStockphoto.

Пандемия COVID-19 во всем мире привела к разрушительным экономическим и социальным последствиям. Однако во время этого глобального кризиса возникает одна опасная и неверная мысль. Создается впечатление, что все мы находимся в одной лодке, что кризис переживается одинаковым образом в самых разных странах, будь то локдаун в норвежском Бергене и перуанской Лиме, в богатом районе города или в трущобах, что основные проблемы семей везде более-менее одинаковы.

Это гомогенизированное впечатление сделало возможным неравное распределение антиковидных вакцин, несмотря на призывы гарантировать равный доступ во всех странах. Фактически, богатые страны победили в гонке за вакцинами: они первыми получили возможность купить

>>

вакцину, а значит и привить свое население. Хотя некоторые богатые страны, подобно Норвегии, приняли решение поделиться вакцинами с бедными странами, к январю 2021 года доступ к вакцинам определялся богатством страны.

> Приватизированный режим введения новых лекарственных средств

В мировом масштабе ситуация с доступом к вакцине является не только результатом бедности отдельных стран, но отражает проблематичный глобальный режим обновления лекарственных средств. Богатые страны направляют средства бюджета на развитие вакцин. Это подтверждается даже в случае компании *Pfizer,* которая отрицает использование бюджетных средств в разработке своих вакцин. Комментаторы утверждают, что партнерские кампании этой фирмы, которые принимали участие в выработке вакцины, получали государственную поддержку. Участие богатых стран в изготовлении вакцин позволяет им требовать «лучших цен», но не лишает частные компании права получать доходы от вакцин. В результате при действующих правилах, несмотря на насущную необходимость вакцинации населения ЮАР для того, чтобы остановить распространение заболевания и его новых вариантов, эта страна должна заплатить почти в 2,5 раза больше, чем большинство европейских стран за дозы оксфордской вакцины *AstraZeneca.*

Участие государства не помешало частным изготовителям вакцин требовать конфиденциальности и проведения правовой реформы, защищающей их от юридического разбирательства в случае, если их прививки от COVID-19 вызовут побочные эффекты. Потребность в вакцинах и отсутствие глобального лидерства в установлении некоторых минимальных условий торговли вакцинами от COVID-19 сделало производителей вакцин чрезвычайно могущественными. Они откладывают или блокируют переговоры со странами, которые нуждаются в вакцинах. Таким образом замедляется доступ к вакцинации, что, в конце концов, способствует росту числа смертей и развитию (а также распространению) новых вариантов вируса.

Приведем в качестве примера неудачные переговоры правительства Перу с компанией Pfizer. Перу в Латинской Америке, на Карибах и в глобальном масштабе является одной из стран с наибольшим числом случаев COVID-19 и высокими показателями смертности. В январе 2021 года, когда страна переживала начало второй волны пандемии, система здравоохранения уже коллапсировала. В 2020 году перуанское правительство начало переговоры с Pfizer, но отказалось подписать несколько статей договора, относящихся к освобождению изготовителей вакцины от ответственности. В результате Пфайзер поместил Перу в конец списка стран, снабжаемых вакциной, несмотря на разрушительные последствия COVID-19 для этой страны. Как и в случае ЮАР и при установлении высоких цен на вакцины, это было сделано совершенно безнаказанно; изготовители вакцины устанавливают свои правила и принимают решения по поводу того, кто будет иметь доступ к вакцине и за какие деньги. И это происходит в условиях глобальной чрезвычайной ситуации.

> Доступ к вакцинам и право на здоровье

Доступность таких лекарственных средств, как вакцины, является одним из базовых элементов полной реализации права каждого на самые высокие стандарты физического и ментального здоровья. Инновации в медицине и доступ к этим инновациям являются ключевыми элементами доступа к медицинским услугам. Именно поэтому законы и правила, регулирующие доступ к медицинским инновациям, являются центральными элементами национальной политики в отношении здоровья. Пандемия COVID-19 выявила нехватку глобального лидерства и слабость государства в установлении условий производства ценных товаров, а также ограничения в работе механизмов медицинских инноваций. Поддержка частных фирм государственным бюджетированием, очевидно, не может гарантировать универсальный доступ к медикаментам. ■

Адрес для связи: Camila Gianella <gianella.c@pucp.edu.pe>

> Сохранение разрыва

между кредиторами и должниками

Кристина Ласкаридис, Открытый университет, Великобритания

Иллюстрация Арбу.

Богатые страны борются с экономическим спадом с помощью расходов, финансируемых долгом, и экономического стимулирования. Страны Глобального Юга, имеющие средние и низкие доходы, попадают в нескончаемую долговую ловушку. Во времена пандемии коронавируса на Глобальном Юге усиливается наследие колониализма и прежней географии долга суверену, что обусловлено исторически сложившимися подходами к международным займам, которые ориентированы на интересы кредитора, а не на смягчение долговой нагрузки.

> Неравенство между Севером и Югом и финансы глобального долга

Дэвид Гребер (David Graeber) был одним из первых, кто выявил эффективность отношений долга в камуфлировании исторически сложившихся структур зависимости и формировании неравных отношений власти. Он утверждал, что отношения насилия, переформулированные на языке долга, снова и снова ставят того, кто находится в слабой позиции в положение неправого. Международные займы были частью колониальных проектов, а проблемы выплаты долга порождали конфликты между кредиторами и должниками, в результате чего вводились меры прямого иностранного надзора и военного вмешательства. Однако нередкими были случаи, когда должники успешно откладывали выплаты и не допускали накопления долга. С недавнего времени глобальное неравенство в отношении внешнего долга стало исследоваться через призму неоколониализма и финансиализации. Субординированная финансиализация характеризуется неравными долговыми отношениями, при которых возникают структурные ограничения развития сторон, находящихся в подчиненной позиции по отношению к центру.

Один из аспектов этого феномена имеет отношение к международной денежной и финансовой системе. Согласно учению Кейнса, развиваемому посткейнсианцами, предпочтения ликвидности обнаруживают иерархию финансовых активов, которая становится наиболее явной в международной экономике в условиях неопределенности и нестабильности. До самого начала пандемии звучали предупреждения о грядущих долговых ловушках. Годы свободной монетарной политики в США, порожденной ответом на кризис Глобального Севера, а также действия финансовых фирм, создали приток глобальной ликвидности, которая произвела эффект нокаута для современного долгового кризиса. Это привело к глобальному поиску доходов в развивающихся странах и изменило состав кредиторов для многих низко- и среднедоходных стран, имеющих крайне неравномерный доступ к финансированию. Эти небогатые страны являются структурно уязвимыми в отношении «рыночных рисков», допускающих финансирование и рефинансирование в зависимости от факторов, которые находятся за пределами контроля страны. Кроме того, зависимость усиливалась долгосрочной озабоченностью волатильностью курса иностранной валюты, порожденной товарной зависимостью.

Проблемы выплаты долга являются результатами ограничений развития и глобальных структур производства,

>>

которые, в свою очередь, порождены колониальным прошлым в большей степени, нежели являются следствием плохого управления государственным бюджетом, несмотря на заявления комментаторов. Еще одна причина проблем с выплатами долга заключается в укорененных институциональных неудачах решения долгового кризиса. Страна-должник сталкивается с множеством собраний кредиторов, разнообразными правовыми средами, исключением с рынка капиталов и рискованными судебными разбирательствами с кредиторами. Одновременно она вынуждена остановить планы развития. Часто эти процессы происходят одновременно с реализацией противоречивых программ МВФ, которые не в силах обеспечить справедливое и долгосрочное решение проблем, и ослаблением способности государства защитить уязвимые сегменты населения. Хорошо известно, что способы решения долговых кризисов можно охарактеризовать следующим образом: «слишком мало, слишком поздно», часто эти способы не могут гарантировать устойчивости долговых обязательств и являются крайне социально затратными для страны-должника.

> Влияние COVID-19 на долг

Пандемия обнажила и усилила долгосрочные неравенства. Весной 2020 года наблюдаются перебои в работе торговли, на которую страны рассчитывают как на источник международного обмена, снижение ключевых товарных цен, установленных финансовыми рынками, а отток капитала стал самым высоким за время наблюдений. Это привело к обесцениванию национальных валют и усилило нагрузку долга в иностранной валюте. Нехватка доступа к твердой валюте во время кризиса отражает неравную интеграцию и подчиненную позицию страны в международной экономике, создавая неравные возможности ответной реакции. Асимметрия доступности необходимой ликвидности усиливается действиями, предпринимаемыми могущественными акторами. Это неравенство особенно очевидно в различиях бюджетно-финансовой поддержки групп, различающихся по уровню дохода.

Только некоторые крупнейшие страны имеют доступ к расширенным долларовым своп-линиям, запущенным Федеральным банком резервов США; при этом региональные финансовые инструменты остаются неактивными. Таким образом основной ответ на проблемы глобального долга формируется Большой двадцаткой и Международным валютным фондом (МВФ). По оценкам экспертов, на безусловное и бездолговое финансирование необходимо затратить $2,5 млрд, покрытие долга различных доходных групп потребует еще $1 млрд, архитектура долговых выплат давно является устаревшей. Несмотря на эти обстоятельства, реакция стран на кризис по-прежнему зависит от их доступа к большим займам, предоставляемым регионами и доходными группами. При этом часто займы предоставляются странам, которые уже столкнулись с проблемами выплаты долга. Некоторые страны уже истратили на обслуживание долга значительные объемы бюджетных средств, которые существенно выше, чем суммы, предназначенные для инвестиций в здравоохранение. Займы МВФ и временное откладывание выплаты по двухсторонним долговым обязательствам с помощью Программы отсрочки выплаты задолженности (ПОВЗ), запущенной Большой двадцаткой в апреле 2020 года, усугубили существующие долговые проблемы. Как предсказывают некоторые эксперты, эти меры повлекут за собой введение долгосрочной политики бюджетной экономии, что косвенно позволит частным и многосторонним кредиторам, не участвующим в Программе, получить выплаты. Добровольный характер ПСДС означает, что облегчение долговых обязательств является частичным, благоприятным для кредиторов, не участвующих в Программе, воспользоваться льготами Программы можно лишь на затратных условиях, а предлагаемая помощь недостаточна. Эти хорошо известные институциональные ошибки наблюдаются и в работе Общей Платформы, учрежденной в ноябре 2020 года для работы по реструктурации долга.

> Искаженная архитектура международного долга

Пандемия подчеркивает давно известную неспособность существующей международной архитектуры долга управлять универсумом кредиторов, противодействовать общественным протестам, обеспечить справедливые отношения между кредиторами и, что наиболее важно, быстро, прозрачно, независимо и всесторонне решать проблемы долговых выплат, способствуя минимизации ущерба для населения тех стран, которые переживают долговой кризис. Необходимо напомнить, что существующий подход сформировался в результате настойчивых попыток кредиторов управлять долговым кризисом в соответствии со своими интересами и многократных отказов рассматривать предложения, поступающие со стороны стран со средним и низким доходом. Ядром этой системы являются Всемирный банк и программы бюджетной экономии МВФ, которые часто имеют негативные последствия для прав человека и поддерживают процесс поддержки займов, который называют долги «устойчивыми», усугубляют долговое бремя, недооценивают масштабы проблем и минимизируют долговое облегчение. В то время как некоторые богатые страны продолжает стимулировать менее обеспеченные на взятие займов, реакция на глобальные проблемы долга строится на предположении, что экономический рост вернется к допандемическому уровню, и страны погрузятся в пандемию бюджетной экономии после переходного периода дефицита средств, прекратив инвестиции и необходимые социальные траты, чтобы сократить государственные расходы.

Мы знаем, что условия займов и меры бюджетной экономии, продвигаемые МВФ, ухудшают перспективы роста, оказывают разрушающее воздействие на здоровье населения, способствуют росту неравенства и бедности, а выплата долгов осуществляется с большими проблемами. Такого рода займы воспроизводят недофинансированные ослабленные социально-экономические инфраструктуры, а также усиливают нехватку легитимности этих институтов. Реакции МВФ на просьбы о займах стран-должников вновь демонстрируют, что институциональные процессы усиливают исторически сложившиеся паттерны интеграции международной экономики. Процесс одобрения займа является показателям неравного распределения власти между должниками и кредиторами; он проясняет политику знания, определяя кому можно, а кому нельзя дать взаймы. Неравенство позволяет кредиторам предпочесть затраты на реструктурирование долга затратам на необходимое облегчение ситуации для должников. ■

Адрес для связи: Christina Laskaridis <christina.laskaridis@open.ac.uk>

> Проблемы сокращения неравенства и бедности в Африке

Лакистар Мияндази, специалистка по программам, координатор организации «Налоговые инспекторы без границ» в Африке, Африканский финансовый узел ОБСЕ, ЮАР

Еще до того, как в марте 2020 года разразилась глобальная пандемия коронавируса, в течение нескольких десятилетий росли показатели глобального неравенства. Очевидно, что пандемия COVID-19 и ее беспрецедентные последствия фактически во всех сферах жизни еще больше обостряют многомерное неравенство по таким различным критериям, как национальность, возраст, гендер, раса, национальное или этническое происхождение, экономический статус и другие измерения.

> Сползание по показателям бедности и неравенства

Хотя в Африке распространение ковида и смертность от этого заболевания еще остаются достаточно низкими, в настоящее время континент сталкивается с проблемой реконструкции огромного долга и финансовым кризисом, усугубленным пандемией. Процесс решения этих задач подрывает предшествующие достижения Африки в отношении 17 целей устойчивого развития (ЦУР) в таких сферах, как здравоохранение, образование и доступ к питанию. Что еще более важно, эта ситуация подрывает признание тезиса, принятого ООН и Программой ЦУР, что уничтожение бедности требует снижения уровня неравенства. На континентальном уровне, согласно Повестке 2063, Африка ставит перед собой долгосрочную трансформационную цель продвижения в сторону устойчивого и инклюзивного экономического роста и развития. При этом в качестве приоритета выдвигается уничтожение бедности и неравенства. Таким образом, неравенство непосредственно связывается с развитием и экономическим ростом, а также рассматривается как основная проблема мирового уровня.

К сожалению, Доклад ООН прогнозирует на 2020 год рост экстремальной бедности в регионе южнее Сахары, где из-за пандемии 26 млн населения живет ниже уровня международной черты бедности. Эта цифра возвращает этот регион Африки к уровню бедности 2015 гг., что фактически зачеркнуло пять лет прогресса в этой части мира. Таким образом, сейчас еще более чем прежде, Африке необходимо фокусироваться на улучшении уровня жизни беднейших и наиболее маргинализованных членов общества с помощью создания устойчивого, справедливого и достойного общества.

Для многих африканских стран экономическое неравенство – неравное распределение доходов и возможностей между различными группами общества - представляет собой самую острую проблему. Даже в африканских странах, имеющих самые высокие показатели ВВП, например, в Нигерии, ЮАР, Египте, Алжире, Марокко и Анголе, фиксируется один из самых высоких уровней бедности и неравенства.

Стараясь сократить уровень бедности и инвестировать в рост и развитие, африканские страны столкнулись еще с двумя проблемами: незаконными финансовыми потоками (НФП) и растущим долговым кризисом.

> Незаконные финансовые потоки

НФП – это деньги, заработанные незаконным образом, перемещенные и утилизованные с помощью таких видов коммерческой активности, как сокрытие реальных владельцев компаний, создание подставных компаний, организованная преступная деятельность (например, торговля наркотиками, браконьерство, торговля людьми и оружием, воровство нефти и минералов). Практики коррупции играют основную роль в содействии этим потокам. Богатые транснациональные корпорации, налоговые убежища и конкретные личности несут ответственность за большинство НФП в беднейших стран мира. В Африке наибольшая концентрация НФП наблюдается в таких секторах экономики, как добывающая промышленность, продукция которой доставляется в богатые развитые страны и торговым партнерам Африки. За последние два десятилетия бесконечные налоговые скандалы обнажили проблемы НФП на континенте, вызвали публичную и политическую озабоченность и привели к

>>

“Незаконные финансовые потоки – это не «преступления без жертв», они наносят вред индивидам и обществу”

осознанию необходимости борьбы с ними. Среди наиболее известных скандалов – «утечки из Луанды» [*Luanda Leaks*], «маврикийские утечки» [*Mauritius Leaks*], «люксембургские» и «швейцарские утечки», «панамские документы» [*Panama Papers*], «райские документы» [*Paradise Papers*] и др.

Доступная информация о Конференции ООН по торговле и развитию (*UNCTAD*) сообщает, что, по оценкам экспертов, НФП уводят из Африки $88,6 млрд – сумму, эквивалентную 3,7% ее годового ВВП. Эти потоки по объему приближаются к сумме общей ежегодной официальной помощи на развитие и прямых иностранных инвестиций, получаемых африканскими странами. Такие данные показывают, что в потенциале Африка в состоянии обходиться без иностранной помощи, если она сможет вернуть себе деньги, утраченные благодаря НФП, и инвестировать их в развитие континента.

Эти деньги потеряны континентом, который продолжает страдать от нехватки доходов. НФП, таким образом, нельзя назвать «преступлением без жертв» – нелегальные потоки наносят вред индивидам и обществу. Они также оказывают явное негативное влияние на перспективы развития континента, поскольку играют важнейшую роль в росте социально-экономического неравенства в Африке и в глобальном масштабе, а также лишают финансирования сферы здравоохранения, образования, развития инфраструктуры и другие общественные блага и сервисы.

> Растущий долг

Африка также противостоит мощному финансовому кризису, вызванному растущими долговыми проблемами, возникшими благодаря займам у государственных и частных внешних кредиторов. Во время COVID-19 некоторые африканские страны попросили аннулировать долг или ослабить его давление, что помогло бы им восстановиться после разрешительных эффектов пандемии в отношении здоровья населения и экономики.

Однако, например, в такой богатой ресурсами африканской стране, как Замбия, которая только в 2011 году добилась статуса страны со средним уровнем дохода, некоторые граждане обвиняют в спиралевидном росте огромного внешнего долга и недавнем нарушении условий долговых выплат плохое управление политических элит, коррупцию, отсутствие прозрачности и неудачные политические меры, которые лишь подпитывают бедность и способствуют росту неравенства. В 2020 году Замбия стала первой африканской нацией, не выполнивший условия внешнего долга величиной в $ 42,5 млн евробондов. Замбия боролась за пересмотр своих долговых обязательств, включающих займы и бонды, Китаю, международным организациям и внешним частным кредиторам. COVID-19 усилил гуманитарный и экономический кризис, обрушившись на систему здравоохранения. Ключевые сектора экономики, такие, как угледобыча, сельское хозяйство и туризм пострадали от пандемии, которая привела к сокращению рабочих мест и росту уровня безработицы. Благодаря внешнему долгу и множеству налоговых стимулов, предоставленных транснациональным корпорациям, фискальное пространство для реализации мер социальной защиты населения, весьма ограничено.

> Потребность в налоговой политике в поддержку бедных

Мобилизация домашних ресурсов (МДР) с помощью налогообложения и национальной налоговой политики, ориентированной на поддержку бедных, может сыграть ключевую роль в сокращении экономического неравенства во многих африканских странах и в глобальном масштабе.

Налогообложение играет ключевую роль и может содействовать сокращению неравенства с помощью пополнения государственной казны, которая могла бы быть потрачена на обеспечение населения крайне значимыми общественными благами и сервисами такими, как образование и государственное здравоохранение. Прогрессивное налогообложение может быть использовано как средство перераспределения доходов, богатства, максимизации социального обеспечения и сокращения экономических разрывов. Налоги могут бать мощным социальным инструментом, который играет существенную роль в регулировании принятия решений и поведения в отношении здоровья, гендерной справедливости и окружающей среды. Налоги являются важными инструментами репрезентации и подотчетности, поскольку улучшенное размещение налогов, направленных на финансирование общественных сервисов, может стать особенно благоприятным для бедных слоев населения.

Совершенно очевидно, что налоги – это существенные ресурсы, необходимые для достижения целей развития. Они могут играть ключевую роль в снижении уровня неравенства в Африке и на глобальном уровне. Роль налогов не следует считать одномерной; она заключается не только в том, чтобы финансировать меры восстановления от пандемии. Налоги могут содействовать строительству более справедливого и достойного общества. ■

Адрес для связи: Luckystar Miyandazi <AzreeStar@gmail.com>

> Катастрофы-близнецы в Индии — незавершенная повестка

Э. Венкат Рамнайя и **Виха Эманди**, «Молодежь в защиту перемен» *(Youth For Action)*, Индия

Последствия экологических катастроф, прежде всего, воздействуют на тех, кто уже больше других пострадал от пандемии. Так, например, в 2020 году Главный Османский Госпиталь для пациентов с COVID-19 в индийском Хайдарабаде был переполнен из-за сильных ливней. Фото: Twitter.

Во время пандемии жизнь меняет свой нормальный ход. Человеческие потери, потери домохозяйств и собственности колоссальны, что и показала ситуация в Индии, когда люди столкнулись с катастрофами-близнецами: с COVID-19 и наводнением. В 2020 году в разгар пандемии Индия столкнулась с яростью природы, когда циклоны и ливни обрушились на несколько штатов Индии, и в результате многие потеряли жилье, урожай и расстались с жизнью. Наводнения умножили испытания миллионов мигрантов, вернувшихся в свои деревни в начале COVID-19 и не имевших возможности обеспечивать себя. Действия поддержки со стороны правительства и организаций гражданского общества не соответствовали масштабу бедствий. Природа наконец-то вытащила коврик из-под наших ног. COVID-19, без сомнения, является катастрофой для общественного здоровья и требует увеличения инвестиций в здравоохранение. Кроме того, пандемия имеет и фундаментальное значение: она проявляет нарушение экологического равновесия.

Накоплены свидетельства о том, что утрата биоразнообразия и постоянно растущее вмешательство человека в природный мир существенно влияют на вспышки пандемий и их распространение. Для идентификации потенциала будущих пандемий ключевое значение имеет понимание и оценка изменений окружающей среды и экологии.

> Пандемийныйлокдаун и обратная миграция

Уязвимые сообщества мигрантов Индии, в особенности женщин и детей, столкнулись с многообразными формами психологических и экономических стрессов. Всем известно, что большинство женщин работает в неформальном секторе экономики. Когда в результате потока обратной миграции, многие женщины вернулись из городов в родные деревни, они не смогли найти нам никакой работы. Все это повлияло на депрессию, отчаяние и экономическую неопределенность, испытываемые женщинами. В этот период, когда женщины не могли получить никакой социальной помощи от социальных институтов, зафиксировано стопроцентное увеличение жалоб на домашнее насилие. Ограниченный контакт с семьей, вызванный маргинальным доступом к смартфонам и недоступностью формальной поддержки, привели к росту тревожности и суицидального поведения женщин. Большое число девочек-подростков и молодых женщин звонили по номеру 1098 горячей линии Центра защиты детей от физического и психологического насилия. Институты здравоохранения занимались лишь проблемами COVID-19, и бедные женщины могли полагаться только на свои собственные средства, затрачивая большие суммы денег на лечение коронавируса и деторождение. Были зафиксированы массовые случаи недоедания сре-

>>

ди женщин и детей, поскольку действия государства были неадекватны. Закрытие школ привело к тому, что дети не получали школьных обедов. Получили известность случаи фактического голодания семей, где взрослые не работали, что привело к растрате их мизерных накоплений в целях выживания.

> Наводнения

Даже в городских поселениях, таких как Хайдарабад, жители трущоб и малых поселений должны были покинуть свои дома при приближении наводнения. Во многих этих бедных сообществах жители потеряли работу и домашнюю утварь. Они должны были переселиться в новые места и пережили огромный физический, психологический и экономический стресс. Наводнения являются результатом неправильного планирования, которое допустило строительство дренажных каналов и накопителей воды, из-за которых сократились возможности городской среды вынести напор наводнения. Более того ряд циклонов и наводнений, разразившихся в Индии, начиная с 2014 года является результатом антропогенных выбросов не только на территории Индии, но и в других частях света, а также следствиями незапланированной деятельности по развитию страны. Так, например, массивный разлив реки Коси в восточном штате Бихар в августе 2014 года стал результатом страшного ливня в Непале, откуда берет начало эта река, и высвобождения 28 млн кубических футов воды в этой местности. В результате затопления берегов и набережных реки Коси пострадало 225 000 человек, которые потеряли жизнь, урожаи, домашний скот и собственность.

> Правительства должны действовать

Пришло время для политиков обратиться к ситуации климатических изменений и коллективными усилиями разработать план реставрации экологии и окружающей среды. Мы надеемся, что при президенте Байдене США также повернется лицом к этому вопросу. На пятнадцатом саммите Большой двадцатки в ноябре 2020 года премьер-министр Индии выступил с предложением выработать новый глобальный индекс для постковидного мира, который бы отражал степень уважения к природе в духе попечения о благополучии «Матери-Земли». Еще одной инновацией было бы создание обширного пула талантов, гарантирующего, что технологии будут доступны всем сегментам общества, а также, что более важно, обеспечит «прозрачность управления». Деятельность недавно учрежденной Коалиции по созданию инфраструктуры, устойчивой к катастрофам [*Coalition for Disaster Resilient Infrastructure – CDRI*], в которую входят 18 стран и четыре международных организации, привлечет беспрецедентное внимание к тому урону, который наносят катастрофы инфраструктурам. Это особенно важно для спасения жизней и домохозяйств в бедных странах, которые непропорционально больше страдают от природных катастроф.

Выработка глобальных мер может быть длительным процессом, но в этом контексте Индии крайне важно переосмыслить понятие «черты бедности» и работать над тем, чтобы достичь «показателя обретения силы». Этот сложный индекс интегрирует показатели удовлетворения восьми базовых потребностей: в медицинском обслуживании, санитарии, жилье, базовом питании, чистой энергии, образовании, безопасной питьевой воды и социальной безопасности. Бизнес-сектор должен поддержать правительство в удовлетворении этих базовых потребностей, а не стремиться получить контракты на изготовление вакцины. Компании должны работать над проектами устойчивого развития и добиваться качественных результатов так, чтобы доступ к вакцине мог стать «первичным правом» уязвимых сегментов населения. Фонды корпоративной социальной ответственности [*Corporate Social Responsibility – CSR*] должны быть использованы для улучшения инфраструктуры здоровья, обеспечения доступа к вакцине и разворачивания действий, направленных для смягчение последствий COVID-19 и изменений климата. Чтобы справиться с проблемами здоровья потковидного периода, индийское правительство должно увеличить бюджет на здравоохранения с сегодняшнего 1% ВВП по крайне мере до 5%. По словам сотрудниц групп самопомощи, с которыми работает наша организация, правительство должно обеспечить граждан «безопасным местом для жизни, доступом к удовлетворению базовых потребностей и инициировать разработку мер совладания с непредвиденными условиями». ■

Адреса для связи:
E. Venkat Ramnayya <vedvon@yahoo.co.in>
Viha Emandi <viha.emandi@gmail.com>

> Базовая экономика

как ключ к социальному обновлению

Джули Фрауд, Манчестерский университет, Великобритания, от имени Группы изучения базовой экономики *(Foundational Economy Collective)*

Во время кризиса, связанного с коронавирусом, люди часто выражали благодарность работникам служб жизнеобеспечения (essential workers); при этом очевидно, что труд этих работников оплачивается в основном очень низко, они работают в прекарных условиях и подвергаются новым рискам, связанным с COVID-19. Фото: Flickr/Creative Commons.

Пандемия настойчиво напоминает о значимости базовой экономики – то есть тех товаров и услуг, которые являются объектами повседневного потребления, которые делают возможной безопасную и цивилизованную жизнь. Они включают инфраструктуру водопровода и электричества, от которой зависят снабжение, коммуникации, транспорт и поставка продуктов, а также провиденциальные услуги[1] медицины и социального ухода, образования и поддержки уровня дохода[2]. Существует тенденция, считать, что все эти блага обеспечены; таким образом недооцениваются те службы и те работники, которые поставляют эти блага. Это происходит до тех пор, пока серьезная поломка в работе системы социального обеспечения не создаст ощутимое неудобство или угрозу существованию. Подобно тому, как перебои в электроснабжении или засуха напоминают о нашей зависимости от постоянной подачи электричества и воды, ситуация пандемии COVID-19 помогла осознать, что существующая система распределения питания является прекарной. Пандемия подарила нам термин «ключевые работники» или работники «основных служб». В эту категорию входят люди, которые продолжали «ходить на работу» во время кризиса, чтобы обеспечивать поддержку повседневной инфраструктуры. В то же время стало очевидным, что труд этих работников плохо оплачивается, условия их работы не удовлетворительны и, вследствие пандемии, они подвергаются новым сопряженным с работой рискам.

Помимо этого своевременного напоминания о критическом значении базовой экономики, кризис подчеркивает значение коллективной организации обеспечения и, в некоторых случаях, потребления. Даже люди с высокими доходами остаются зависимыми от качества транспортной системы и системы интенсивного ухода в стационарах. Высокий личный доход не является гарантией хорошей связи Wi-Fi, чистого воздуха или хороших общественных парков. Аналогичным образом во время пандемии наша личная безопасность зависит от качества и степени развития услуг здравоохранения на глобальном уровне. Все это подчеркивает ограниченность стандартных измерений экономического прогресса (таких, напр., как душевой доход), которые не в состоянии охватить разнообразие тех ценностей, которые составляют достойную жизнь и часто приводят к неадекватному вознаграждению тех, кто выполняет базово значимую работу.

>>

> Обновление обеспечения и инфраструктуры

Признание значения этих материальных и провиденциальных услуг требует четкого осмысления возможностей настоящего момента. Суммируя, можно сказать, что существует двойственная проблема сохранения улучшенного благополучия нынешних и будущих поколений с помощью социальных программ и политического фокуса на проблематику базовой экономки (экономики существенных благ). Во многих странах недостатки базовых сервисов, вызванные различными комбинациями недофинансирования, приватизации, маркетизации и финансиализации, были выявлены еще до COVID-19. Рассыпающаяся на глазах инфраструктура, недофинансирование ухода и заботы в стареющих обществах, «пищевые пустыни», в которых граждане не имеют доступа к качественным свежим продуктам питания – все это примеры недостатков в базовом обеспечении, улучшение которого приведет к улучшению качества жизни граждан.

Во многих случаях, обновление базовой экономики в интересах улучшения качества жизни людей разных поколений требует дополнительных финансовых ресурсов для капиталовложений и роста доходов. Даже в странах с высокими доходами, напр. в Германии, разрушение транспортной и образовательной инфраструктуры стало предметом интенсивных дебатов. Однако сами по себе инвестиции не решат накопившихся проблем, которые стали также следствием того, как организованы и обеспечены службы. Обновление также должно покрыть расходы на реформирование дисфункциональных бизнес-моделей. Так, например, чтобы соответствовать социальным и связанным со здоровьем потребностям растущей группы пожилых или уязвимых людей, недофинансированная система социальной заботы нуждается в дополнительных ресурсах. Однако если поставщики заботы являются частными собственниками или развивают экстрактивную форму собственности, дополнительные ресурсы могут быть направлены на извлечение больших доходов, а не на то, чтобы нанять больше работников или улучшить качество услуг. Или, наоборот, если забота организуется крупными бюрократами, при незначительном участии получателей заботы, дополнительные ресурсы должны сопровождаться реформами локализации обеспечения и способствовать большему привлечению заинтересованных игроков в организацию процесса.

Политический вызов базового обновления заключается не только в совершенствовании системы социального обслуживания с помощью перестройки инфраструктуры и сервисов. Политика обновления должна также способствовать решению климатического и природного кризисов, тем самым обеспечивая благополучие будущих поколений[3]. Так, например, достижение цели нулевых атмосферных выбросов потребует существенного участия таких структур базовой экономики, как жилищная система, транспортная, система питания[4]. Поскольку эти системы играют существенную роль в обеспечении жизни людей, сокращение выбросов станет не результатом воздержания, а будет вызвано изменениями в производстве и потреблении, новыми правилами и сдвигами в поведении людей. Эти сдвиги могут включать создание новых технологий строительства и перепрофилирования существующих зданий для того, чтобы они стали более энергосберегающими; необходимы изменения в практиках питания и замещение активного общественного транспорта частными средствами передвижения.

> У государства есть ясно определенная роль

У государства есть ясно определенная роль в этом процессе обновления. Дело не только в том, что поставщиком многих базовых услуг является государство, которое также частично их финансирует, а в том, что социальное гражданство, актуализированное доступом к этим инфраструктурам повседневной жизни, предполагает существование государства, подотчетного и отзывчивого к потребностям граждан. Многие ставшие базовыми инфраструктурные услуги, такие как канализация и водоснабжение, электрические счетчики и государственные больницы стали возможны благодаря планированию и инженерным разработкам, организованным властями. Обновление и обеспечение работы новых инфраструктур предполагает также возрастание роли гражданского участия, особенно, в случаях, где необходимо прийти к компромиссу (например, в политике изменения климата и распределения бюджета) или там, где экспертиза сообщества и местных организаций уже знает, как улучшить социальные результаты, что происходит, например, в сфере общественного здоровья.

Обновление экономики базовых товаров и услуг является также важной предпосылкой создания программ продвижения универсального базового дохода или универсальных базовых услуг. Простая раздача наличных денег гражданам не может обеспечить их благосостояние, поскольку качество жизни зависит от доступа к таким коллективных сервисам, как здравоохранение, социальное жилье, интегрированный и доступный общественный транспорт, широкополосный интернет и зеленое пространство. Пандемия должна научить нас многому, в том числе осознанию необходимости обновления базовой экономики, которая поддерживает жизнеспособность социально и экологически устойчивыми способами. ■

Адрес для связи: Julie Froud <julie.froud@manchester.ac.uk>

1. Термин «провиденциальные» *(providential)* используется здесь для обозначения ориентации на обеспечение *будущих* потребностей. Термин отсылает к «провиденциальным обществам» *(providential societies),* которые собирали страховые взносы, позволявшие их членам в будущем оплатить затраты на лечение в случае болезни. Термин относится к государственным и общественным социальным службам.
2. Подробнее: https://foundationaleconomy.com/introduction/.
3. Подробнее: https://foundationaleconomycom.files.wordpress.com/2021/01/fe-wp8-meeting-social-needs-on-a-damaged-planet.pdf.
4. Например, по данным Стокгольмского института, в Уэльсе за 59% последствий отрицательного воздействия на окружающую среду отвечают потребление продуктов питания (28%), жилье (20%) и транспорт (11%): https://gov.wales/sites/default/files/publications/2019-04/ecological-and-carbon-footprint-of-wales-report.pdf.

> Экономика будущего и государство

Андреас Нови и **Рихард Бэрнталер**, Венский университет экономики и бизнеса, Австрия

Общепризнано, что мы живем в эпоху глубочайшего смятения. Вопрос не в том, произойдут глубокие изменения в двадцать первом веке или нет. Вопрос заключается в том, как будет происходить трансформация – хаотично, как сейчас, когда мир борется с пандемией, или с помощью осознанных коллективных усилий. Возможность реализации последнего сценария зависит от двух предпосылок: переосмысления экономики и усиления публичных и демократических институтов.

> Ограничения экономической мысли XX века

В течение последних десятилетий наблюдалось возрождение рыночно ориентированной либеральной мысли, которая господствовала уже в XIX веке. Ее критиковали, обозначив термином «неолиберализм». Она пронизывает политическое мышление и действия и получила распространение далеко за пределами программ правых сил политического спектра. Представления о силе рынка в достижении (эко)эффективности и оптимизации размещения недостаточных ресурсов стали догмой, дисциплинирующей мейнстрим ЕС и США. Однако, оптимизация рынков не может удержать нас в планетарных границах. Мы должны пересмотреть концептуальные основания неолиберализма. Это нужно сделать по нескольким причинам. Во-первых для сохранения планеты необходимо развивать зеленую экономику, которая имеет тенденцию компенсировать повышение эффективности изменением потребления. Отметим при этом, что без полного отказа от экономического роста и давления на окружающую среду, экономика никогда не станет экологически устойчивой. Во-вторых, рыночный либерализм оставляет без внимания господствующие рутинные практики и привычки, которые не соответствуют экологической устойчивости. Неолиберализм придерживается почти религиозной веры в способность хорошо информированных рациональных потребителей «разрешить» климатический кризис с помощью индивидуальных рыночных решений, основанных на возможностях выбора. Приоритизация рыночных решений не только усиливает неравный доступ к потреблению, но также представляет угрозу демократии. В условиях рыночного либерализма государство нельзя считать слабым игроком; оно не ограничивается политикой *laissez-faire,* а имеет сильный мандат на защиту прав частной собственности и контроль соблюдения контрактов. Однако в мире, где права собственности сконцентрированы у бизнес-корпораций, либеральное рыночное государство создает недемократические и, в высшей степени, неравноправные структуры власти. Транснациональные корпорации создают глобальные правила и принимают решения, имеющие мировой эффект; они имеют возможность экстернализировать затраты, перекладывая их на общество и окружающее среду и переводить результаты этой экстернализации в личные акции.

После Второй мировой войны на Глобальном Севере и в развивающихся странах Глобального Юга возник «поствоенный консенсус», основанный на капитализме социального обеспечения. Обеспечение инфраструктуры считалось базовой задачей государственной власти. Социальное государство обеспечивало доступности медицинских и образовательных услуг, развитие муниципалитетов и национализацию энергоснабжения, жилищного фонда, а также реализовывало меры перераспределения и содействовало мобильности. Более обширный репертуар инструментов, включая макроэкономическое государственное вмешательство и меры перераспределения богатства, ограничение масштаба рынка – все это привело к плюрализму экономических институтов, способствующих процветанию в Западной Европе, Северной Америке, а также национальному развитию Глобального Юга. Если в конце двадцатого столетия этот экономический консенсус был серьезно поколеблен академическими наработками и политическими мерами, то после Великого финансового кризиса 2008 года его влияние вновь возросло. Велферный капитализм двадцать первого века следует прагматическому подходу к социально-экологической трансформации, содействует экологической модернизации и признает более активную роль государства в реализации программ инновации и промышленного развития. Однако социальный капитализм сегодняшнего оставляет без внимания огромные доходы шоу-бизнеса, императивы роста и потребления, которые структурируют способы нашей жизни и производства. В результате наблюдается высокий уровень неравенства и эскалация климатической катастрофы. Более того эффективность территориальной организации «государства социального обеспечения» и «государства-регулятора» была ослаблена растущей детерриториализацией экономики, позволяющей транснациональным корпорациям избегать действия национальных законов и концентрировать огромные богатства.

> Возникновение нового подхода

Эскалация кризисов дала толчок для появления третьего направления экономической мысли. Она основана на идеях Маркса, Кейнса, Броделя, феминистской экономики и Группы изучения базовой экономики [*Foundational Economy Collective*] и проводит различие между тремя экономическими зонами. Первую зону составляют отрасли экономики, имеющие базовое значение для повседневной активности; к ним относятся сферы экзистенциального и местного обеспечения, а также неоплачиваемый труд заботы. Вторая зона включает отрасли рыночной экономики, создающие стоимость; она включает местные отрасли не экзистенциального характера и экспортно-ориентированную деятельность. Третья зона представляет собой стоимостную экономику рантье (*value-taking rentier economy*). Чтобы ответить на вызовы социально-экологической трансформации, уместнее всего обратиться к концепции Карла Поланьи, который понимал экономику как систему, кото-

>>

“Эффективные стратегии усиления экономики, ориентированной на будущее, требуют установления взаимосвязанных территориальных форм самоопределения, усиления разнообразия связанных между собою, но адекватных пространств политических действий и принятия решений с помощью избирательной экономической деглобализации”

рая обеспечивает средства к существованию. Такой подход подчеркивает необходимость расширения и усиления базовой экономики (наиболее приоритетной), а также несущественного локального обеспечения (второй приоритет), конвертации экспортно-ориентированной рыночной экономики и сокращение экономики рантье.

Этот подход признает, что на планетарном уровне принцип достойной жизни для всех может быть реализован лишь при условии перехода к посткапиталистическим способам производства и жизни. Однако он не предлагает стратегии демократических социальных изменений в этом направлении. Некоторые его сторонники склонны отрицать роль государства и отдают предпочтение низовым движениям и гражданскому обществу, Тем самым они усиливают либеральный рыночный антистатизм и политический фатализм и путают основную модель постполитического принятия и исполнения решений, характерного для последних десятилетий, с действиями государства. Однако подъем различного рода авторитаризмов демонстрирует потенциальную власть государственных институтов. Хотя ни одно из авторитарных правительств не представляет собой ролевую модель – ни Бразилия, ни Индия, ни Китай, – все они демонстрируют потенциал государства как правовой структуры, обладающей территориальной суверенностью и границами, независимо от того, идет ли речь о муниципальном уровне государства, национальном государстве или государстве Европы. Те, кто игнорирует потенциал государственной монополии на легитимное установление правил, не только действуют наивно и ставят себя в опасное положение, но, прежде всего, попадают в ловушку мелкой игры в отдельных нишах общества вместо того, чтобы развивать потенциально контргегемонические проекты.

> Потребность в некапиталистических государственных институтах

Эффективные стратегии усиления экономики, ориентированной на будущее, требуют установления взаимосвязанных территориальных форм самоопределения, усиления разнообразия связанных между собою, но адекватных пространств политических действий и принятия решений с помощью избирательной экономической деглобализации (например, на уровне города, региона, национального государства и на транснациональном уровне). Государство, управляющее территорией с помощью публичных и демократических институтов, не должно редуцироваться до национального уровня или централизованной бюрократии любого масштаба. Новые формы государственности должны стать более децентрализованными, создавать возможности для слабых, обеспечивать защиту институтов-посредников, а также самоуправляемых некоммодифицированных сфер работы и жизни. Однако критическая политэкономия всегда подчеркивала ограничения прогрессивной деятельности государства при капитализме, утверждая, что при капитализме государство всегда является капиталистическим.

Мы согласны с тезисом, что публичные и демократические институты могут процветать лишь при экономических системах некапиталистического вида. Однако, поскольку в рамках капитализма всегда существовали некапиталистические зоны, можно утверждать, что некапиталистические государственные институты могут существовать и при капитализме. Примерами таковых являются кооперативы, муниципальные предприятия, государственные пенсионные системы. Поскольку функционирование капитализма зависит от базовых зон экономической деятельности (особенно от экономики заботы и инфраструктуры), некапиталистические государственные институты сохраняют легитимность и эффективность капиталистического устройства. Именно потому, что капитализм зависит от своего собственного отрицания, действия государства могут усиливать зоны базовой экономики жизнеобеспечения, которые создают возможности для цивилизованной жизни всех жителей. Инклюзивный доступ к качественным системам коллективного обеспечения (уход-забота, здоровье, образование, мобильность) может сочетаться с исключением практик, которые негативно влияют на окружающую среду (напр., запрет на перелеты на короткие дистанции), и инвестициям в экономику устойчивого развития (например, с помощью субсидий, прямых инвестиций, налогообложения, социальных лицензий, программ переподготовки). Такая социально-экологическая политика сможет стать универсальной. Такова краткосрочная, но вполне реализуемая стратегия, которая отличается от неолиберальной парадигмы, усиливает экологически ориентированные некапиталистические формы государственного управления в рамках капиталистической системы.

В долгосрочной перспективе, однако, капиталистический способ производства остается несовместимым с реализацией принципа достойной жизни для каждого в планетарных границах. Чтобы преодолеть капитализм, необходимо развивать новые формы государственности, не связанные с воспроизводством капитала и поддерживающие декоммодицицированные сферы жизни. Этот процесс мог бы конституиировать трансформированные отношения между гражданским обществом и государством, при которых инвестиции в инфраструктуру социального обеспечения станут боле социализированными, а зависимость от рынка труда сократится. Результатом содействия социальному благополучию станет рост свободного времени, а не рост оплаты труда; люди будут предпочитать общественные блага услугам частного сектора; приоритетом станет сокращение затрат на жизнеобеспечение, оттеснив в этом отношении рост покупательной способности, Это станет возможным, когда получит развитие общественная инфраструктура и социальное жилье. ■

Адреса для связи:
Andreas Novy <Andreas.novy@wu.ac.at>
Richard Bärnthaler <richard.baernthaler@wu.ac.at>

> COVID-19: новая артикуляция государства и экономики

Боб Джессоп, Ланкастерский университет, Великобритания

Значение пандемии COVID-19 еще только начинает осмысливаться. До тех пор, пока вирус не будет взят под контроль или уничтожен, мы не узнаем до конца, какие реакции на него были успешными. Но уже сейчас становится очевидным, что некоторые страны оказались более успешными в контроле заболевания и снижении смертности от любых причин. Стало также очевидно, что пандемия производит новое обоснование государственного вмешательства, ориентированного на взаимопомощь и поддержку частного бизнеса. Именно этому аспекту пандемии посвящена настоящая статья.

Пандемию можно рассматривать как глобальный кризис. Кризисы имеют обыкновение разрушать принятые взгляды на мир и то, как надо действовать; они ставят под вопрос теоретические и социально-политические парадигмы, а также повседневную рутину. Хотя пандемии давно рассматриваются как потенциальные угрозы человечеству, кризис COVID-19 первоначально большей частью конструировался как экзогенный случайный шок, который представляет собой угрозу для человечества. Такое осмысление нашло отражение в биополитических дискурсах безопасности и защите населения, а также в воинствующих дискурсах, направленных против внутренней угрозы (например, против трудовых мигрантов и рома). Напротив, причины пандемического кризиса могут быть выявлены в сельском хозяйстве, развивающемся по капиталистическому сценарию, разрушающем природную среду и создают условия для передачи заболеваний от животных к людям. Распространение COVID-19 также отражает процессы глобальной торговли и международных путешествий, которые способствуют переездам из страны в страну, с одного континента на другой. Пандемия проявляется неравномерно; различные политические режимы конструируют ее по-разному: для одних приоритетом является биополитическая безопасность, для других - защита от внутренних врагов и богатство, а не здоровье граждан.

> Объяснение неудовлетворительной реакции Великобритании

В этой статье мы фокусируем внимание на Европе и Северной Америке, где плохие показатели, возможно, объясняются стратегией прямого и устойчивого подчинения политики «императивам глобализации», осмысленным в рамках неолиберального дискурса. Эта стратегия способствует созданию «прекарности», которая является дисциплинарным инструментом усиления финансиализации повседневной жизни, что влечет за собой неравенство в богатстве и классовой стратификации. Она также ускоряет поворот от государства благосостояния с общими гражданскими правами к принудительному трудовому режиму и, особенно в случае США, к возможности тюремного заключения. Неолиберализм создает преимущества для рыночных сил и использует государственную власть для их экспансии. COVID-19, напротив, создает преимущества для государства (делая его основным актором), частно-государственного партнерства, содействует проявлению безусловной солидарности (взаимопомощи) и возрождает общество заботы (*caring society*).

Великобритания представляет собой неолиберальный политический режим, который плохо подготовлен к пандемии, поскольку является организационно фрагментированным, децентрализованным и неудовлетворительно осуществляет координацию государственных и частных структур. При этом правительство было поглощено необходимостью совершить Брекзит, а новый премьер был озабочен своими рейтингами в опросах общественного мнения. При этом британское здравоохранение также было плохо подготовлено к пандемии. Душевые затраты на здравоохранение были снижены в среднем на 1,2% с 2009 по 2018 год, что не соответствует росту потребностей населения в медицинских услугах. Системе не хватает около 40 000 медсестер, 2500 врачей общей практики и 9000 больничных врачей, а также оборудования для интенсивного ухода.

Предшествующие правительства разработали технократическую стратегию в отношении пандемии, которая не учитывает низкий уровень здоровья населения, плохое состояние инфраструктуры социальной заботы (включая вентиляторы и личные средства защиты) и уязвимость работников и маргинальных групп населения. На основании Государственной стратегии подготовки к пандемии гриппа, принятой в 2011 году, правительство Великобритании «следует научной экспертизе», которую осуществляет Научный консультационный совет по чрез-

>>

“Пандемия производит новое обоснование государственного вмешательства, ориентированного на взаимопомощь и поддержку частного бизнеса”

вычайным ситуациям. Эти научные рекомендации были основаны на ложной аналогии нынешней пандемии с эпидемией гриппа, в соответствии с которой прогнозировалось, что вирус станет причиной добавочных 250 000 смертей, и его поставят под контроль с помощью сортировки потенциальных пациентов (старым разрешат умереть, больные будут помещены в стационары). Когда общественное мнение отвергло такую стратегию, правительство сделало попытку снизить кривую роста инфекций, чтобы отсрочить распространение вируса, и за это время с некоторым запозданием выработало новые национальные стратегии. Вслед за этим последовала серия локдаунов, часто слишком запоздалых и недостаточных. В самом деле, низкие показатели количества выданных больничных листов означают, что финансово необеспеченные люди продолжают работать, даже когда плохо себя чувствуют. Такой паттерн поведения также является причиной массового распространения инфекции, в том числе случаев, завершающихся фатальным исходом.

Правительству не удалось организовать функционирующую систему тестирования/отслеживания/изоляции и обеспечить связь местных служб и национальных структур для предоставления необходимой помощи. Последнее связано с преимущественной озабоченностью государства положением дел в частном секторе. В стране не налажен систематический мониторинг людей, находящихся на карантине или в режиме изоляции, за исключением путешественников, возвращающихся из определенного списка стран. В отличие от положения дел в других странах (например, Германии, Ирландии и Южной Корее) тестирование на вирус в США производится вне обычных медицинских учреждений национального здравоохранения и не сопровождается надежной медицинской супервизией. Однако благодаря системе медицинского обслуживания политика вакцинации реализуется вполне успешно.

В реакции на COVID-19 приоритетом для Великобритании является богатство, а не здоровье, и это имеет неприятные последствия. На самом деле защита здоровья является более эффективной стратегией для защиты экономики. В США, Великобритании, Швеции и Бразилии правительства сначала отказывались признать смертельный характер пандемии и защищать жизнь своих граждан. Для них гораздо важнее было обеспечить нормальную работу (большого) бизнеса. Такой приоритет приводит к запаздыванию локдаунов и мер социальной изоляции, введению «легких» локдаунов, которые не подавляли вирус, и слишком ранним отменам чрезвычайных мер, что привело к возрождению пандемии.

> Успех решительных действий государства

Хотя COVID-19 является глобальной пандемией, действия политиков разных стран мало согласованы в этом отношении, чего нельзя сказать о научном сообществе. Хотя проблема явно является глобальной, в развитых капиталистических обществах превалируют националистические по своему характеру решения по поводу вируса и вакцины, и совсем мало усилий и денег затрачивается на координацию глобальной кампании по вакцинации населения. Такой подход особенно очевиден на Глобальном Севере, который рассчитывал на то, что пандемия в большей степени скажется на Глобальном Юге. И все же все страны Глобального Юга, демократические и авторитарные, островные и континентальные, конфуцианские и буддистские, коллективистские или индивидуалистические, независимо от того расположены они в Восточной и Южной Азии или Австралии, все они справляются с COVID-19 лучше, чем любое европейское или североамериканское государство. Политики достижения нулевого уровня ковида (*Zero-COVID policies*) в Новой Зеландии, Сингапуре, во Вьетнаме, на Тайване и в Австралии, где были приняты жесткие государственные меры по охране здоровья, гораздо лучше справляются с пандемией. Им уступают по эффективности политики стадного иммунитета, которые основаны на терпимом отношении к смерти, постепенном росте иммунитета и распространении массовой вакцинации. Можно предположить, что постковидные исследования подвергнут критике неолиберальную реакцию на пандемию. Они будут рекомендовать усилить инвестиции в здравоохранение и инфраструктуру заботы, а также отметят эффективность решительных государственных действий в отношении пандемии. ■

Адрес для связи: Bob Jessop <b.jessop@lancaster.ac.uk>

> Возвращение Левиафана!

Государство «короны» и социология

Клаус Дёрре и **Валид Ибрахим,** Университет Фридриха Шиллера, Германия

Центр вакцинации в Эрфурте, Германия. Забота государства «короны» или необходимая мера экономического восстановления? Автор фото: Валид Ибрахим.

Левиафан вернулся! Именно так можно резюмировать то, что происходит сейчас в разных частях мира из-за пандемии коронавиурса. В своем классическом труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Томас Гоббс использует метафору морского чудовища, чтобы отобразить противоречивую природу современного государства. Нам долго казалось, что в эпоху неолиберализма Левиафан был на отдыхе. Конечно, это было не так, потому что даже в Чили только тираническое государство создало возможности для проведения радикальных рыночных экспериментов под руководством «ребят из Чикаго» (*Chicago Boys*). Тем не менее, социальная критика социологов, прежде всего, была критикой рынков. Не случайно, что именно Карл Поланьи создал концепцию «двойного движения», которая подводит первичный итог далеко идущим последствиям свободных рынков. Пандемия коронавируса привела к возвращению маятника. Левиафан вмешивается; он действует как государство чрезвычайной ситуации, принимающее меры для борьбы с пандемией, и *в то же время* как государство, совершающее экономическое вмешательство для того, чтобы защитить, и, если нужно, восстановить экономику, инвестируя миллиарды долларов в тех странах и регионах, где есть такая возможность.

> Оценка государства «короны»

Как оценить такие действия государства? Сторонники системного подхода крайне раздражены, потому что они до сих пор отбрасывали возможность того, что вмешательство государства может быть эффективным для любой социальной системы. Кейнсианцы приветствуют вмешательство государства, поскольку правительственный долг в настоящее время является сознательно выбранным средством стимулирования экономики. Либеральные журналисты, со своей стороны, обеспокоены ограничением фундаментальных прав, вызванных тем, что государство «короны» прибегает к множественным локдаунам – мерам закрытия предприятий и общественных мест. Итак, как мы должны оценивать государственное вмешательство? Рассмотрим тезис о том, что государственное вмешательство является повивальной бабкой построения «капитализма с новым лицом». С этим суждением трудно согласиться. Дело в том, что государство «короны» гибридно, поскольку его ответ на пандемию и экономический спад предполагает два различных варианта государственной активности, которые очень слабо связаны друг с другом. COVID-19 управляется государством, работающим в режиме чрезвычайной ситуации, которое, с одной стороны, действует в рамках

>>

конституционного права, а, с другой стороны, нарушает Конституцию, вводя временные ограничения фундаментальных прав человека. Единственной легитимацией для таких действий является борьба с пандемией. Государство вводит правила социального дистацирования для предотвращения быстрого распространения заболевания. Такими действиями оно отвечает на медицинскую катастрофу. Однако, когда пандемия станет более управляемой, государственное вмешательство перестанет быть легитимным. Все те тренды, которые многие аналитики приветствуют в сегодняшней исключительной ситуации, – замедление повседневной жизни, снижение уровня потребления, избегание путешествий, временные затраты на заботу о себе и проч. – после окончания пандемии могут поддерживаться лишь на добровольной, а не на принудительной основе. Признаваемая обществом необходимость восстановить нормальный ход вещей доковидного периода дает понять, как далеки от реальности те аналитики, которые считают государственную интервенцию желаемой.

Экономическая интервенция государства должна оцениваться иначе. Такие меры, как постепенный уход от жесткой бюджетной экономии, сбалансированные бюджеты, *Schwarze Null*[1] и рост налогообложения крупных доходов и владений (пока еще только планируемый) представляют собой прогресс по сравнению с рыночным радикализмом недавнего прошлого. Однако государство «короны» не является гарантией социально-экологической трансформации, соответствующей Целям устойчивого развития, принятым ООН. В политэкономическом отношении это государство очень неустойчиво, поскольку даже в богатых странах непомерный государственный долг имеет смысл, только если центральные банки и финансовые рынки сохраняют свою активность и проводят политику низких ставок. Ситуация еще больше осложняется тем обстоятельством, что государственные аппараты в своей экономической и промышленной политике часто характеризуются недостатком воображения. Отвыкшие от жесткого вмешательства, они мало представляют, что нужно делать, чтобы предотвратить отток инвестиций и замораживание программ восстановления экономики.

> Пределы экономического вмешательства

По этим причинам не стоит возлагать большие надежды на то, что государство «короны» будет содействовать экологической устойчивости. Экономическое вмешательство государства прямо противодействует сокращению экономической активности. Легитимность финансируемых долгом программ реконструкции экономики измеряется успехами роста. В этом отношении государство «короны» является амбивалентным актором. Государство экономического вмешательства расхлебывает то, что совершил его неравный двойник – государство пандемийной чрезвычайности. Этот процесс отодвигает на задний план проблематику экологической устойчивости.

В этом отношении наглядный урок преподносит ситуация в отношении климатических изменений. COVID-19 кажется благоприятным обстоятельством в отношении экологии лишь на первый взгляд. Подобно кризису 2007 г., локдаун и экономический кризис вызывают «отказ от роста, вызванный катастрофой» (*degrowth by disaster*). Несомненно, что ограничение мобильности и временный коллапс промышленности оказались беспрецедентными для последних десятилетий; существенно снизились и выбросы углекислого газа. Однако восстановление экономики привело к еще более быстрому росту выбросов, чем ожидалось. Подсчеты Международного энергетического агентства (МЭА) указывают на мировое снижение выбросов на 5,8% в течение первых трех месяцев 2020, что эквивалентно выбросам на территории всего Европейского Союза. Однако с апреля 2020 года уровень глобальных выбросов вновь возрос. В декабре их объем уже достиг уровня декабря предшествующего года. Чтобы реализовать сценарий глобального потепления не выше, чем на 1,5 градуса, который Межгосударственный совет по климатическим изменениям считает достаточно рациональным и контролируемым, глобальные выбросы углекислого газа должны быть уменьшены в среднем на 7,6% в год, и этот порог должен быть достигнут постепенными усилиями, а не в результате временного локдауна. МЭА выражает опасение, что будет упущена мировая историческая возможность добиться того, чтобы пик глобальных выбросов пришелся на 2019 год. Этот тренд может усилиться жесткой распределительной борьбой, с которой столкнутся все общества в результате высокого уровня долгов и сокращения налоговых поступлений.

И наконец, необходимо отметить, что хотя интервенционистское государство – Левиафан, это чудовище может действовать на пользу общества. Оно защищает свое население и ставит человеческую жизнь превыше экономических интересов. Оборотная сторона такого положения дел заключается в том, что государство делает борьбу с пандемией объектом имперского соперничества. Только те государства, у которых достаточно вакцин и которые могут провести кампании массовой вакцинации населения, получат шанс на быстрое экономическое восстановление. В результате вакцинный национализм противостоит глобальной угрозе здоровью населения. Несмотря на заверения в солидарности, весной 2021 года всего десять стран придерживают для своего пользования 76% доступных вакцин. В 85 странах с низким уровнем ВВП национальный иммунитет будет приобретен только через несколько лет. Такая ситуация увеличивает риск мутаций вируса, которые сопротивляются вакцине. Очевидно, что государственная система капиталистического типа не способна воспринимать вакцину как общественное благо и тем самым способствовать достижению целей устойчивой защиты здоровья населения всего мира (третья глобальная цель устойчивого развития). Таким образом доминирующая форма государства «короны» не дает никаких гарантий прогресса в отношении социальной и экологической устойчивости. Это означает, что социологический анализ и критика должны переопределить свой предмет. Государство вновь должно стать фокусом социологической экспертизы. Чтобы адекватно оценить, что представляет собой государство «короны» и как оно действует, необходимо реализовать масштабные глобальные междисциплинарные исследовательские программы. Социологическое сообщество должно быстро и решительно осуществить эти задачи. ■

Адреса для связи:
Klaus Dörre <klaus.doerre@uni-jena.de>
Walid Ibrahim <walid.ibrahim@uni-jena.de>

1. «Черный ноль«, то есть баланс бюджета.

> COVID-19: создание опасных мест в Германии

Даниэль Муллис, Франкфуртский институт исследований мира Франкфурт (PRIF), Германия

Заброшенный цех. Автор фото: Даниэль Муллис.

Давая определение биополитическим подсчетам, Розмари-Клэр Коллард утверждает: «что это как раз о том, чьи жизни контролируются и охраняются!» Согласно Мишелю Фуко, биополитика – это политика, в центре внимания которой находится благополучие населения. Это способность «поддерживать жизнь» и «позволять умереть». Мэттью Ханах, Жан Симон Хутта и Кристоф Шеманн утверждают, что государственные реакции на COVID-19 «оправданы с точки зрения биополитики как «ребиологизация» населения и воспринимаются как сверхболезненный императив, необходимый для сохранения жизни наибольшего числа людей». Однако очевидно, что некоторые жизни имеют большее значение, чем остальные. Во всем мире уровень инфицирования COVID-19 растет у групп, занимающих маргинализованное положение по критериям класса, расы и гендера. Пандемия имеет четкую географию, которая высвечивает те сегменты общества, которые оставлены без внимания, и те места, безопасность которых не обеспечивается государством. Я разверну этот аргумент, обращаясь к политике не(вмешательсва), проводимой в Германии.

> Периферизация

Саманта Бильери, Лоренцо де Видович и Роджер Кайл утверждают: «Вирус концентрируется на периферии городского пространства и общества». В январе 2021 года эти исследователи выделили три взаимосвязанных паттерна периферизации. *Пространственная периферия* включает места, отдаленные от центра современных обществ; *институциональная периферия* возникает в результате организационных практик выталкивания части населения на обочину общественной жизни; термин *социальная периферия* схватывает влияние расовых разделений в обществе. Этот последний подход я хочу развить, подключив к анализу не только расу, но также класс и гендер.

Данные Института Роберта Коха по географии COVID-19 в Германии показывают, что зимой 2020–21 года в регионах с высоким уровнем социально-экономической депривации смертность была выше на 50-70%, чем в регионах с низким уровнем депривации. Данные по урбанизированным регионам, таким как Берлин, Бремен или Кельн показывают, что пандемия сильнее ударяет по тем районам, где выше плотность населения, ниже средний доход населения и выше уровень бедности. Обсуждая.

>>

государственное (не)вмешательство, необходимо особое внимание обратить на *институциональную периферизацию* – самый важный паттерн создания периферии. Он проявляется, например, в производстве бедности и создании пространственной периферии.

Реформа германской системы социального обеспечения, известная как «Повестка 2010», привела к росту бедности, что в свою очередь повлияло на первый паттерн перифиризации. Среди прочего в результате реформы появился сектор низкой оплаты труда и были реорганизованы инструменты базовой социальной помощи. Бедность не является естественным состоянием: она вос/производится несправедливой экономической системой, поддерживается законом и государственной властью. Последствия этих изменений очевидны. Статистика показывает, что люди, зависимые от базовой социальной помощи, в большей степени испытывают воздействие COVID-19, чем экономически благополучные сегменты общества. Граждане, в течение долгого времени остающиеся безработными, госпитализируются в два раза чаще, чем занятые. Люди, не имеющие экономических ресурсов, проживают в более плотно населенных или стесненных обстоятельствах, часто испытывают периферизацию, потому что живут в социальном жилье, работают в прекарных условиях, отрезаны от цифровых инфраструктур, которые способствуют правильной организации надомного обучения. Все эти аспекты приводят к росту уязвимости и социальных разделений. В ходе пандемии менее зажиточные граждане потеряли доходы, представители средних классов сохранили своей статус, а сверхбогатые стали еще богаче.

Второй паттерн – производство пространственной периферии - представляет собой политический процесс, который запускается из центра общества. С одной стороны, политические решения, принимаемые в соответствии с принципами капиталистической государственности, создают профили центра и периферии. Результатами такого различения являются паттерны исключения в виде социального жилья, лагерей беженцев, убежищ для бездомных, домов сестринского ухода. Однако в создании этого паттерна важную роль играют также закрепленность на рабочих позициях с прекарными условиями труда. Во время пандемии все эти социальные позиции в Германии стали местами концентрации заболевания COVID-19. В то же время в политическом дискурсе жилищная собственность и, в особенности, годские районы описываются как опасные места. Это делается для того, чтобы разъединить пандемию и основное тело общества. Такая стратегии хорошо известна по дискурсу о районах гетто. Сначала пандемия обсуждается в пространственных категориях, затем часть пространства получается ярлык «мигрантского», «бедного», «неуправляемого» и проч., а это, в свою очередь, приводит к заключению, что названное пространство вместе со своими обитателями действительно составляет проблему.

> Центральность

Таким образом, пандемия показала, что создание пространств с разной степенью безопасности является политическим процессом, который используют власть имущие. Фуко утверждает, что в ходе неолиберализации политическая экономия становится определяющим аргументом для принятия государственных решений. Уэнди Браун развивает эту мысль, утверждая, что «целью государства является содействие развитию экономики, а легитимность государства непосредственно связана с экономическим ростом». Принимаемые Германией меры по ограничению распространения COVID-19 соответствуют этим принципам. Согласно имеющимся данным, только 12,8% ВВП испытали прямое воздействие ограничений, связанных с пандемией: эти эффекты в наибольшей степени ощутимы в отраслях розничной торговли, кейтеринге, образовании, туристическом бизнесе и сфере культуры. Оставшиеся 87,2% национальной экономики были не затронуты ограничениями и продолжали работать по-прежнему. Не предпринималось никаких попыток закрыть производство, чтобы защитить прекарную рабочую силу от инфекции.

Отсюда следует, что массовые вспышки пандемии в периферических пространствах также указывают на особые характеристики центральных позиций социального пространства. Данные о мясной отрасли, логистических центрах и школах подтверждают это суждение. В Германии мясная отрасль является важным экспортно ориентированным сектором, и производство в нем не останавливалось на протяжении всей эпидемии. Что касается центров логистики, то, как отметила Агнешка Мроз, сотрудница компании Amazon из Познани (Польша), она и ее коллеги по работе не пострадали от локдауна: они работают в центральном хабе глобального капитализма, который является крайне важным для бесперебойного потока товаров. Что касается школ, то, несмотря на участившиеся разговоры о правах детей, становится очевидным, что во время пандемии детям не уделялось достаточного внимания. Школы работали, прежде всего, для того, чтобы дать возможность родителям работать, а не в целях образовательной справедливости.

> Паттерны государственного (не)вмешательства

COVID-19 выявил существование множества пространственных, институциональных и социальных периферий. В этих пространствах вирус и его социальные последствия имеют наибольшие отрицательные эффекты. Социально-экономическая депривация подвергает людей смертельным рискам и бедности. Что касается вмешательства государства, необходимо подчеркнуть, что большинство правительств в противодействии вирусу избрали авторитарный путь, ориентированный на секьюретизацию, а не демократический процесс ограничения свободы, основанный на солидарности и справедливости. Однако надо более детально проанализировать ситуации и те случаи, когда государство приняло решение не предпринимать никаких действий и не обеспечивать безопасность. Не менее важно выделить те сегменты социального пространства, в отношении которых государство принимало политические решения, которые усилили паттерны эктернализации, маргинализации и перефиризации по критериям расы, класса и гендера. Все эти усилия предпринимались для того, чтобы защитить «население», от которого отделялись маргинализованные сегменты общества. ■

Адрес для связи: Daniel Mullis <mullis@hsfk.de>

> После депрессии: постнеолиберальный субъект

Артур Буэно, Франкфуртский университет (Германия), член ИК35 «Концептуальный и теоретический анализ»

Наступление 21 века происходило в значительной степени под знаком депрессии, которая проявляется в чувствах истощения, пустоты и неспособности к действию. Фото: Ehimetalor Akhere Unuabona (Unsplash).

Мы живем в период великих трансформаций. Об этом свидетельствует множество событий, сигнализирующих, что мы находимся на историческом перепутье. Финансовый коллапс 2008 года, волна последовавших за ним политических процессов, подъем новых крайне правых движений и последствия нынешней пандемии – все эти и другие события сигнализируют, что прежний мир, кажется, умирает, а новый еще не родился. Эти процессы ставят новые проблемы не только перед устоявшимися социальными институтами, но также в отношении того, что кажется нам самым близким: они свидетельствуют об истощении способов чувствования, мышления и действия, которые преобладали в течение последних десятилетий. Наш кризис является также кризисом определенной формы субъектности. Не принимая во внимание структуру последнего и совершающиеся с ним трансформации, невозможно адекватно оценить опасности и потенциалы настоящего. Но как можно охарактеризовать субъектность, которая в настоящее время находится в кризисе?

> Предпринимательский депрессивный субъект

Наступление XXI века происходило в значительной степени под знаком депрессии. Психологическое страдание, кажется, более не проявлялось в классических невротических симптомах времен Фрейда. Скорее, оно проявлялось в чувствах истощения, пустоты и невозможности действовать. Фрейдовский невроз – это болезнь, порожденная чувством вины, при котором субъект чувствовал себя разорванным между тем, что разрешено и запретами, между авторитетом закона и силой подавленных инстинктов. Депрессия, в свою очередь, может быть описана как заболевание, связанное с чувством неадекватности, при котором кажется, что все разрешено, но индивид чувствует невозможность использовать весь диапазон возможностей. Депрессия наступает, потому что личность живет под грузом иллюзии, что достичь можно всего, чего пожелаешь: она переживает раскол между возможным и невозможным, бесконечно доступным и тем, что человек действительно в состоянии совершить. Депрессивная личность – это человек, у которого «села батарейка».

Такое смещение клинического диагноза от невроза к депрессии касается не просто определенного опыта страдания. На мой взгляд, его можно рассматривать более широко – как знак наступления нового социального порядка, становление которого началось в 1960-е гг. Это социальный порядок, при котором люди сталкиваются с возросшими требованиями брать на себя ответственность и реализовывать свои замыслы в контексте сокращения социальной поддержки и эскалации неравенства, конкуренции и прекарности. В результате «избирательной близости» между развитием постфордистского режима накопления и распространением романтических идеалов личной аутентичности, на сцене появился новый субъект – неолиберальный «антрепренер самого себя» (*entrepreneur of the self*). Этот самоантрепренер может достичь рыночного успеха, четко реагируя на спрос аутентичности, на то, чтобы «быть самим собой». Для такого субъекта подходит лозунг популярной инструкции по самопомощи и самосовершенствованию: «Будь самим собой, только лучше!». От такого предприимчивого субъекта требуется не подчинение дисциплине, а поддержание единичной жизни, ко-

>>

торую личность сама обнаружила и создала в творческом эксперименте. Эта индивидуальная жизнь является эмоционально коммуникативной и гибко адаптирующейся к постоянно изменяющимся условиям рынка отдельной жизни.

Депрессивный индивид обозначает границу, при которой требование быть антрепренером своего Я становится субъективно проблематичным. Это происходит, когда перспективы аутентичной самореализации оборачиваются пустотой и истощением, когда поиск автономного самоопределения завершается чувством отчуждения. Депрессия – это не просто клинический диагноз. Этим словом в настоящее время обозначаются различные виды субъективных неудач, связанных с нормативными ожиданиями, институциализированными в последние десятилетия двадцатого века.

> Кризис и политика истощения

Социальная фигурация, которую мы метонимически можем обозначить как *депрессивное общество,* насыщено растущими напряжениями и все же умудряется сохранять значительную степень стабильности в течение последних десятилетий. Это тем более подтверждается тем, что на рубеже XXI века это институциональное устройство самой своей логикой препятствует артикуляции депрессивных симптомов в форме открытых политических требований и организованной социальной борьбы. Однако сегодня давление этого порядка до такой степени интенсифицировалось, что его устойчивость представляется серьезно поколебленной: депрессивное истощение, кажется, само достигло точки истощения. Именно поэтому я предлагаю обсудить *постдепрессивную констелляцию* как ситуацию, при которой социально-психологические напряжения депрессивного порядка достигают своего пика, приводя к разнообразным реакциям и столкновениям, но не формированию нового консенсуса и стабильной институциональной рамки.

На мой взгляд, такое объяснение подтверждают формы политической борьбы, которые получили большое распространение в последние годы и могут быть интерпретированы как реакция на два ключевых напряжения, характерные для неолиберальной, антрепренерско-депрессивной личности.

Что касается вопроса *автономии*, эта форма субъектности предполагает, что личность может достичь самодетерминации с помощью предпринимательской инициативы. Предлагая инновативный продукт на одном из различных рынков, из которых состоит современная социальная жизнь, индивид сможет ставить на таких продуктах свой личный знак и трансформировать их в соответствии со своими представлениями и предпочтениями. И все же повторяющиеся неудачи в реализации этих обещаний приводит, скорее, к сильному ощущению того, что субъект подчиняется некоторому закону предопределенности, который трудно понять и изменить и который можно резюмировать фразеологизмом: «Альтернативы не существует». Таким образом, совсем не удивительно, что некоторые общественные движения нашего времени проявляют выраженный ресентимент в отношении правящей элиты и требуют большего участия: их можно рассматривать как реакции на *фатализм* превалирующих форм социальной регуляции.

Неолиберальный субъект характеризуется еще одним напряжением (конфликтом) который касается проблемы *аутентичности:* напряжением между обещанием аффективной связи с другими и структурацией социальной жизни как рыночно подобной конкуренции между атомизированными индивидами. Последнее структурное условие синтезировано в одном из крылатых выражений Маргарет Тэтчер, которая сказала: «Нет такой вещи, как общество». Однако спрос на то, чтобы каждая личность была самодостаточной индивидуальностью, привел к росту чувства изоляции и социальной фрагментации. Неудивительно, таким образом, что некоторые современные политические движения выражают стремление к эмоционально насыщенной коммуникации: мы считаем, что они представляют собой реакцию на превалирующие формы социальной дезинтеграции.

И все же для постдепрессивной ситуации характерна не единственная форма политического действия и организации. Мы имеем дело не столько с новым законом, сколько с новой констелляцией, набором различных реакций и политических горизонтов. Ниже я опишу две политические позиции, которые приобрели существенное значение за последние годы, но которыми не исчерпывается весь спектр реакций, возникающих в ходе текущего кризиса. Основной вопрос настоящего времени можно сформулировать следующим образом: что приходит после депрессии? До сих пор на этот вопрос нельзя дать единственного или наиболее распространенного ответа.

> Постдепрессивный накал

Многие политические выступления 2010-х годов, начиная с Арабской весны до движения Захвата Уолл-стрит, июньских событий 2013 года в Бразилии и *gilets jaunes* («желтых жилетов») во Франции, характеризуются в свои решающие моменты опытом аффективного погружения в слабо структурированную коллективность, а также отсутствием четко определенных целей. Эти две черты являются ключевыми для понимания того, почему эти движения можно считать проявлениями постдепрессивной ситуации.

Нормативная и аффективная неопределенность этих движений, за которую они часто подвергались критике, стала основой их привлекательности. Неопределенность создавала чувство принадлежности к целому, основанное на участии и общей атмосфере, представление о том, что социальные и политические различия более не являются непреодолимыми, а наоборот, могут породить аффективное единство, основанное на различии и культивирующего этот принцип. Это обстоятельство является ключевым для понимания привлекательности этих движений. По контрасту с самодостаточностью самоантрепренерства и изоляцией, испытываемой депрессивным субъектом, опыт соприсутствия со множеством людей на улицах ощущался многими как аффективно освобождающий и «катарсический».

Теперь стало ясным, что это довольно неопределенное чувство аффективной совместности (*togetherness*) возникло благодаря конфронтации с антагонистом, который, однако, тоже не определен вполне четко. Таковым является политическая система, основные институты, «все, что находится там». Опыт коллективного накала был интенсифицирован благодаря своей связанности с радикальной, хотя и краткосрочной проблематизацией установленных норм. Столкновения с полицией, блокирование улиц, захват общественных учреждений участие в этих акциях создавало ощущение, что жизнь не ограничивается рядом непререкаемых фатальных законов. По контрасту с адаптацией самоантрепренерства, которое предполагает приспособление к существующим нормам и чувство беспомощности

>>

депрессивного субъекта, опыт проблематизации установленного порядка мог создать чувство вновь обретенной способности эффективного *коллективного самоопределения.*

Однако такие моменты оказали внутренне нестабильными. Вскоре возникло представление о том, что это чувство общности составлено из гетерогенных элементов, которые трудно совместимы друг с другом. Участники совместных действий обнаружили, что их нормативные позиции могут привести к радикально различным политическим устройствам. Нормативная размытость и аффективная неопределенность движений породили именно такого рода напряжения. Конфликты такого рода ознаменовали собой начало борьбы по поводу политических смыслов и институциональную артикуляцию этого довольно амбивалентного коллективного опыта, из которого возникла, кроме всего прочего, новая волна крайне правых движений.

> Постдепрессивный авторитаризм

Растущее ощущение социальной фрагментации может объяснить, почему, подобно тому, что произошло с движениями 2010-х годов, недавний подъем крайне правых также характеризуется интенсивными ожиданиями аффективного единения. Тем не менее, опыт погружения в гетерогенное множество, неопределенное «общее» (дело), сменился более исключающими и формализованными понятиями (национального) единения. Примером такого поворота является поддержка лозунга Трампа «Сделаем Америку снова великой» или Болсонару «Бразилия превыше всего, Господь превыше каждого». Такая политическая позиция может быть понята как агрессивный и защитный по своему характеру ответ на социальную дезинтеграцию. Сторонники новых правых считают, что единение возможно лишь на основе исключения или даже уничтожения посторонних и коррумпированных элементов, будь то «коммунисты» (ассоциированные с левыми политическими силами), «преступные элементы» (ассоциированные с расово определенными бедняками), «противники семьи» (ассоциированные с феминистским и ЛГБТК-движениями) и проч.

И все же мобилизация новых крайне правых – это не только реакция на аффективную фрагментацию. Предпринимая различного рода моральные крестовые походы, правые силы также специфическим образом реагировали на ощущение нормативной делегитимизации, которое проявилось в начале кризиса 2008 года, и на политические протесты 2010-х годов. В этом случае, проблематичной стороной социальных институтов считается не то, что они кажутся воплощением непреодолимых «законов естества» (как это было при депрессивном порядке), а убежденность в том, что мы живем в мире, в котором «естественные» нормы утратили свою действенность. Авторитарный субъект меньше реагирует на состояние фатализма, чем на ситуацию, которую он считает *аномичной,* т.е. в том случае, когда он ощущает, что формы регулирования, которые обеспечивают социальные отношения порядком и стабильностью, больше не работают.

Это объясняет, почему такой политический взгляд не ориентирован на прекращение действия господствующих норм (в отличие от того, что происходило на предыдущей волне коллективного возмущения), а скорее ориентирован на установление репрессивного порядка. Авторитарный субъект протестует против общества, которое осмысливается им как социально дезинтегрированное и аномичное, утратившее механизмы регулирования. Он требует установления политического сообщества, которое покончит с дезинтегрирующими элементами и будет добиваться соблюдения норм с помощью средств насилия и принуждения, которые будут способствовать сохранению их действенности.

Представитель новых крайне правых движений является не только сторонником авторитарного правления, но часто (и особенно отчетливо в случае Бразилии) выступает с требованиями радикализации неолиберального проекта. Таков парадокс постдепрессивного авторитаризма: реагируя на кризис неолиберальной субъектности и черпая из него оппозиционные настроения, он стремится всеми силами продолжить и даже радикализировать ту же форму субъектности. Именно эта парадоксальная структура является одним из источников невероятного деструктивного потенциала. Новый авторитаризм пытается преодолеть депрессию, восстанавливая условия, породившие депрессию.

Авторитаризм и радикальный неолиберализм, таким образом, сочетаются весьма специфическим образом – в постдепрессивной манере. Их политический альянс, с одной стороны, приводит к представлению, что аффективное единение может быть основано лишь на исключении, уничтожении любого и каждого, кто отказывается от идеала «хорошего гражданина», основанного на желательно некоррумпированном проекте самоантрперенерства. С другой стороны, такой альянс базируется на убежденности, что достаточно когерентный нормативный порядок может быть установлен лишь с помощью непреложного и, если нужно, насильственного соблюдения «законов рынка». И другой альтернативы не существует и *не может существовать*.

> Что за пределами депрессии?

Было бы неправомерным считать такую комбинацию нового авторитаризма и радикального неолиберализма единственно возможным выходом из нынешней ситуации. Всесторонний анализ новой субъектности, который невозможно представить в этой краткой статье, должен выявить, как реагируют на кризис антрепренерского депрессивного субъекта другие политические проекты, в которых с началом пандемии также усилились внутренние напряжения. Однако именно напряженности и конфликты, характерные для описанной нами констелляции, являются основой любого сценария коллективного действия, который может развернуться в современном обществе.■

Адрес для связи: Arthur Bueno <oliveira@normativeorders.net>

> Визуальная репрезентация невидимой работы

Дженни Тишер, Университет прикладных искусств, Вена, Австрия

В результате мер противодействия коронавирусу многие из нас в разных средах переживают опыт социального дистанцирования, удаленного обучения, сепарации и изоляции. С первого взгляда создается впечатление, что можно говорить об общем нашем опыте, используя первое лицо множественного числа – местоимение «мы», о коллективном опыте или даже о некоторой глобальной коллективности. Однако, основываясь на собственном опыте преподавателя Университета прикладного искусства в Вене, я не считаю, что это действительно так. В период жесткого ограничения индивидуальной свободы движения и посещения общественных мест становится еще яснее, что существует огромный диапазон политических и социетальных возможностей действия в этой исключительной ситуации.

Коллективные пространства обучения и опыта (напр., школы и университеты), а также такие общественные места, как парки и игровые площадки, до сих пор доступны лишь частично. Поэтому фокус жизни смещается в частную сферу. Когда люди теряют рабочие места, а дети перестают посещать детские сады, школы и досуговые центры, те, кто не имеет возможности отправиться в загородный домик с садиком на выходные, вынуждены ограничить свою жизнь небольшим пространством своих жилищ. Статистика показывает, что наблюдается рост психологического и физического домашнего насилия и вновь проблематизируется вопрос гендерного разделения труда в семье. COVID-19 отчетливо проявил тип работы, на которой держится наше общество: это системный труд воспроизводства. Все мы находимся в зависимости от оплачиваемого и неоплачиваемого труда заботы. Каждое единичное тело и его окружение нуждаются в кормлении, уходе, причесывании, любви, заботе, выслушивании, исцелении, восстановлении. Нужно подчеркнуть, что понятие «системности» является противоречивым, поскольку оно подчеркивает, что существуют некоторые виды работы, которые считаются внесистемными, т.е. не релевантными «для системы».

Мы все знаем, что рост внимания СМИ к тем рабочим местам, которые гарантируют удовлетворение наших основных и экзистенциальных потребностей, и ставшая вдруг заметной работа сотрудников супермаркета, привели к тому, что люди приветствуют их действия одобрительными аплодисментами. Моя студентка, Нора Лика, написала работу о различиях между жестом, который коллективно исполняется на публике, и политическим актом солидарности. Она пришла к выводу, что коллективное действие публичного одобрения представляет собой сильный жест, который может изменить умонастроение людей, породить в них надежду и придать им силы продолжать свое дело. В конечном итоге этот жест не будет способствовать безопасности и улучшению условий труда работников супермаркетов, больниц, центров дневного пребывания и проч. Этот жест не приведет к более справедливой оплате труда и сокращению часов работы в долгосрочной перспективе. Более того, если мы вернемся к вопросу о том, что, прежде всего, считается системно релевантной работой, мы поймем, что всегда существовала и сейчас существует невидимая (и неоплачиваемая) работа, которая выполняется в приватной домашней сфере или в ночное время.

На этом фоне я хотела бы представить и обсудить два коллажа, которые я создала в 2020 году и которые сопровождают этот текст. Они называются «Ночные уборщицы» и «Обслуживание». На коллаже «Ночные уборщицы» изображена копия фигуры персонажа из экспериментального документального одноименного фильма (*Nightcleaners,* 1972–75), созданного группой *Berwick Street Film Collective*, и две склоненные мраморные скульптуры, вырезанные из фотографии, на которой запечатлен перформанс художницы Мирл Ладерман Юклс (*Mierle Laderman Ukeles*) *Hartford Wash: Washing/Tracks/Maintenance: Inside* (1973) [Хартфордская стирка: стирка, следы, обслуживание: вид изнутри, 1973], состоявшийся в музее *Wadsworth Atheneum* в Хартфорде. Первоначальная идея авторского киноколлектива заключалась в том, чтобы создать объединение работниц -мигранток и феминистских активисток. Одна из участниц съемочной группы, художница Мэри Келли как феминистская активистка была вовлечена в кампанию по защите трудовых прав ночных уборщиков. Сначала появилась идея снять документальный фильм в режиме реального времени, протяженностью 8 часов, который бы просто показывал уборку туалетов офисных помещений. Фрагменты коллажа отсылают к рекламе фильма *Nightcleaners*, который демонстрирует последовательность действий женщины, моющей туалет. Эти фрагменты представляют потенциально бесконечно повторяющиеся действия ночной уборки офисов. У ног женщины мы видим сдвоенное изображение белой мраморной статуи женщины, лежащей на земле в расслабленной позе.

Эта скульптура видна на заднем плане фотографии, документирующей перформанс американской художницы Мирл Ландерман Юклс, моющей пол музея. Манифест в защиту искусства обслуживания, написанный художни-

>>

Дженни Тишер. «Ночные уборщицы». Коллаж, бумага, 30 x 40 см.

Дженни Тишер. «Обслуживание». Коллаж, бумага, 30 x 40 см.

цей в 1969 году, и в целом ее работы обращаются к непризнанной и недооцененной сфере домашнего хозяйства, репродуктивного труда и уборки. Художница делает домашнюю работу оче-видной, совершая ее трансфер из частной сферы в мир публичности. Объявляя этот труд искусством и представляя его в своем перформансе, Ландерман Юклс не только поднимает вопрос о признании труда воспроизводства, но также демонстрирует, как системные субстраты материальной поддержки (даже когда речь идет об искусстве) неизбежно участвуют в создании ценности, особенно в тех случаях, когда процесс творения кажется нематериальным. Она утверждает: «Я много занимаюсь уборкой, приготовлением пищи, стиркой, починкой, приведением в порядок окружающего мира и проч. Кроме того (до недавнего времени отдельно от этих занятий), я «произвожу» искусство. Я решила, что буду делать все эти повседневные вещи, но заставлю осознать их смысл и покажу, что они тоже являются искусством». Перевернутое изображение на коллаже ставит под сомнение иерархию белого, представленную в иконографии классицизма, который отказался от использования полихромии в скульптуре, создавая расистскую идеологию, основанную на чистой монохромности и исключительно белом изображении, которое на самом деле никогда не существовало в античном мире.

Коллаж «Обслуживание» составлен из копий фотографии из газеты, на которой мы видим уборщицу перед плакатом, изображающем женщину в наушниках. Уборщица, моющая пол, изображена со спины, на ней синяя рабочая одежда. Напротив, женщина на плакате улыбается нам в лицо и представляет по видимости дружественного и приятного в общении оператора сферы услуг. Идея коллажа заключается в том, чтобы показать, что, несмотря на изменение технического оборудования, наличие специальных приспособлений для уборки пыли и робот-пылесос, изображенные на коллаже, совсем не просто изменить отношение к труду обслуживания. Связанность репрезентации, валоризации и невидимой работы необходимо выявлять и осмысливать для того, чтобы прояснить, что определяет скрытую структуру «грязной» работы, которая выпадает на долю людей, принадлежащих к определенному классу, расе и гендеру. ■

Адрес для связи: Jenni Tischer <jenni.tischer@uni-ak.ac.at>

> Домашнее насилие
во время глобальной пандемии

Маргарет Абрахам, Университет Хофстра, экс-президент МСА (2014-18), член ИК05 «Расизм, национализм, коренные народы и этничность», ИК 31 «Социология миграции», ИК32 «Женщины, гендер и общество», ТГ03 «Права человека и глобальная справедливость», ТГ11 «Насилие и общество»

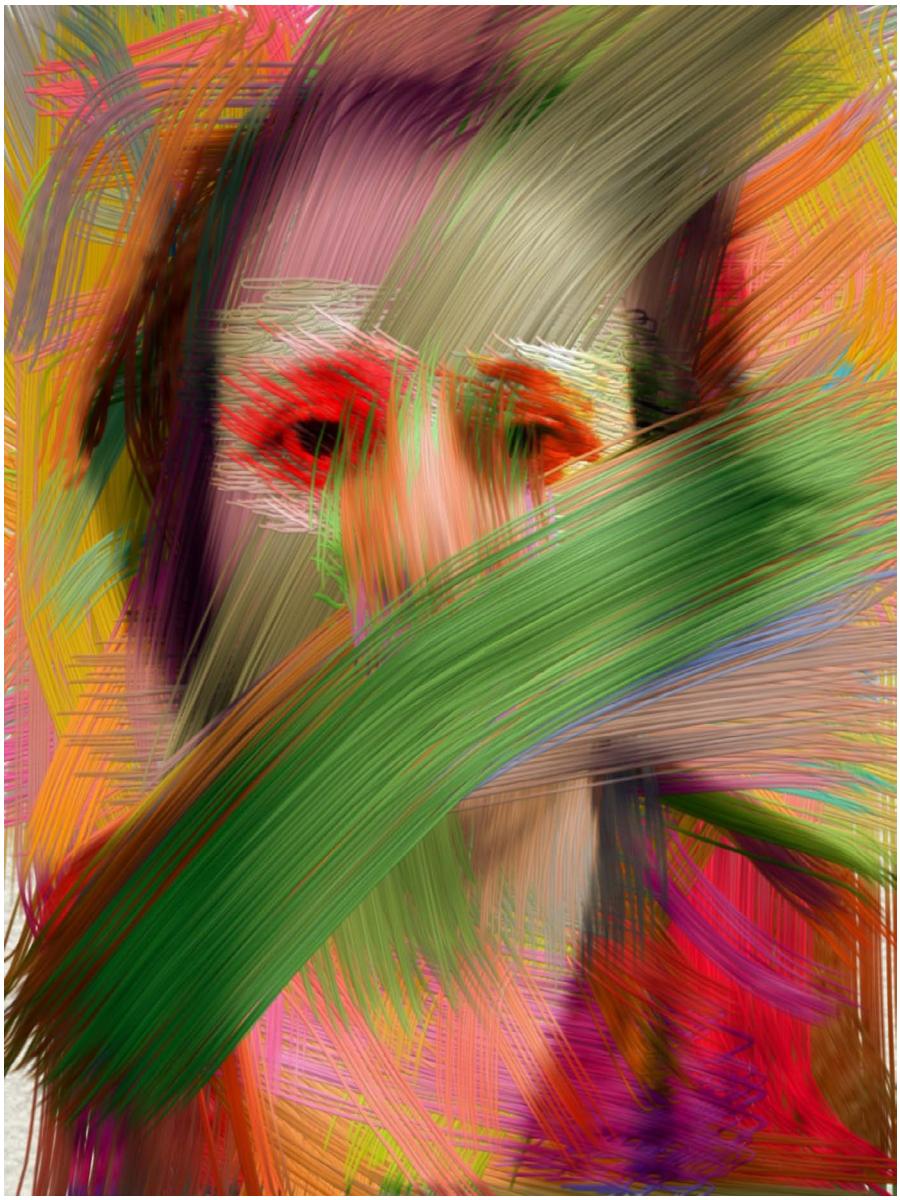


Иллюстрация: Flickr/Jane Fox.

Рост домашнего насилия в период кризисов и неопределенностей хорошо документирован. Текущая глобальная пандемия COVID-19 не является исключением в этом отношении. Начиная с марта 2020 г. в ответ на распространение коронавируса везде в мире правительства вводили меры ограничения движения населения такие, как «локдауны», указы, приписывающие «оставаться дома», «укрываться от пандемии в своих жилищах». Хотя эти меры доказали свою эффективность в снижении скорости распространение вируса, в то же время они привели к тому, что некоторые аналитики называют «теневой пандемией» домашнего насилия. Меры социальной изоляции и дистанцирования, жизненно важные для общественного здоровья и безопасности, парадоксальным образом снизили степень безопасности тех, кто находится в дисфункциональных и абьюзивных отношениях. В некоторых случаях, финансовые и духовные стрессы, также вызванные пандемией, привели к возникновению оскорбительных отношений в тех семьях, где раньше шла нормальная жизнь. Там, где уже присутствовали абьюзивные отношения, эта ситуация привела к усилению уровня насилия, в некоторых случаях итогом стала смерть.

Домашнее насилие – ДН – это всегда истории про власть и контроль, которую один индивид применяет по отношению к другому. Оно может принимать различные формы: исследователи различают физическое, эмоциональное, вербальное, сексуальное, психологическое и экономическое проявления ДН. Случаи ДН имеют место во всех сообществах, однако делать обобщения по этому поводу нельзя. Каждый случай и каждая конкретная ситуация отношений порождены конкретным контекстом, дифференциалом власти, привилегии и контроля. Существуют также сложные сходства и различия опыта, основанные на переплетении параметров расовой и этнической принадлежности, класса, гендера, сексуальной ориентации, принадлежности к касте, культуре, возрастной категории и миграционному статусу. Исследования показывают, что домашнее насилие на микроуровне, мезоуровне и макроуровне непропорционально больше воздействует на маргинализованные группы. Пандемия COVID-19 еще раз подтвердила эту закономерность, поскольку маргинализованные группы испытывают больше нагрузки в отношении потери рабочего места, финансовых трудностей, подверженности инфекции (например, из-за низкой доступности медицинских услуг или из-за

>>

характера услуг, которые представители групп оказывают).

> Условия пандемии

Данные, собираемые с марта 2020 гола в разных странах, показали, что локдауны и введенные в связи с пандемией ограничения увеличивают и интенсифицируют гендерное насилие, особенно в отношении женщин и детей. Невозможность избежать абьюза и уйти за пределы домашнего пространства приводит к изоляции от друзей, семей, рабочих мест и других сетей поддержки. Это, в свою очередь, создает условия, при которых обидчики получают возможность более жесткого и постоянного надзора над своими жертвами и контроля их поведения. Они могут постоянно наблюдать за поведением своих жертв и ограничивать их доступ к еде, одежде, медицинским услугам и средствам санитарии. Пандемия также, несомненно, создала барьеры доступности к существенно необходимым ресурсам сообщества и психологической помощи. Жертвы остаются со своими обидчиками не только из страха, но и потому, что у них нет реальных возможностей безопасной жизни.

Условия, созданные коронавирусом, сократили многие формы институциональной и социальной поддержки для всех нас. При всем том, что власть и контроль остаются ядром домашнего насилия, каузальные факторы, такие как безработица, нехватка питания, страх и тревожность, фрустрация, депрессия, отчуждение и горе, усилили свое значение благодаря стрессам и трудностям, связанным с пандемией. Закрытие школ и детских центров во многих случаях содействовали возрастанию стресса и привели к напряжению семейных ресурсов на всех уровнях, что также увеличило риски для детей в абьюзивных домохозяйствах. Сообщения об издевательствах и поиски помощи становятся более проблематичными в границах домашнего пространства, особенно в тех случаях, когда меры здравоохранения и безопасности вынуждают учреждения закрывать свои офисы и переходить к работе онлайн. Тем не менее, COVID-19 заставил некоторые учреждения творчески думать о том, как обеспечить нуждающихся необходимой поддержкой.

В самом начале пандемии эта задача была признана крайне насущной. Генеральный секретарь ООН, Антониу Гуттериш призвал правительства принять меры предотвращения «ужасающего глобального подъема домашнего насилия» и обратить внимание на безопасность женщин даже принимая меры против пандемии. Инициативные группы, локальные организации и центры борьбы с домашним насилием разными путями стараются поддержать людей, являющихся жертвами ДН. В США сотрудники Национальной горячей линии по вопросам домашнего насилия с 16 марта по 16 мая 2020 года зафиксировали рост числа звонков на 9,5%, по сравнению с тем же периодом 2019 года. Они также документировали, что обидчики использовали ситуацию COVID-19 для усиления контроля и издевательств над жертвами. Поведение обидчиков теперь включает ограничения в пище, отказ в доступе к существенным предметам санитарии и индивидуальным средствам защиты - мылу, средствам дезинфекции, защитным маскам. В некоторых странах действия обидчиков усилились, так как был ограничен или отложен доступ к правовым и другим системам защиты, таких, как полиция, убежище и суды. Для мигрантов все эти обстоятельства усиливались страхом депортации. Роль государства и меры, принимаемые правительствами во время пандемии в отношении внутренней и внешней миграции, также имеют последствия для тех, кто испытывает домашнее и гендерное насилие, однако, это обстоятельство часто недооценивается.

Поскольку организации, занимающиеся проблемой ДН, соблюдают правила, введенные во время пандемии, они вынуждены изменить способы работы с жертвами. Кавита Мехра, исполнительный директор «Сахи» – Центра помощи южноазиатским женщинам в Нью-Йорке – объясняет:

В марте и апреле, когда в Нью-Йорке были введены меры «укрытия в домах», организация «Сахи» занималась обслуживанием сообщества, члены которого жили в эпицентре эпицентра пандемии. Из разговоров с жертвами ДН, особенно теми, кто проживает в Бруклине, Квинсе и Бронксе, члены организации узнали, что формы насилия стали более жесткими и наблюдается эскалация. Вместе с тем, люди старались справиться с неожиданным экономическими проблемами, вызванными пандемией, в результате которых резко увеличился уровень узявимости в отношении жилья, питания и средств существования. Ограниченная поддержка федеральных властей до некоторой степени облегчила положение некоторых жертв ДН. Однако, недокументированные жертвы ДН и те из них, кто имеет общий банковский счет с обидчиком, остались без защиты. С марта по октябрь 2020 года центр «Сахи» распределил более $ 130 000 срочной поддержки и выделил почти 16 000 фунтов продуктов для поддержки сообщества.

Некоторые организации и горячие линии не получали большого количества звонков, потому что жертвы испытывали страх, у них не было приватности, они были фактически заключенными в собственных домах.

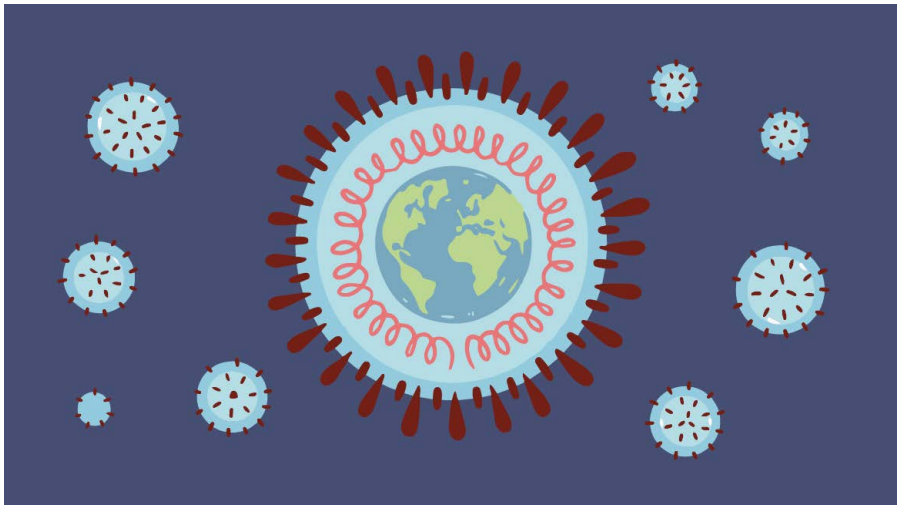
> Что могут сделать социологи?

Проблема ДН должна решаться сейчас, не ожидая прекращения пандемии. Социологи вместе с представителями естествознания, другими социальными учеными, социальными политиками, активистами и всеми игроками на этом поле должны разработать программу борьбы с гендерным насилием и осуществить структурные изменения. Необходимо разработать лучшие методы сбора данных и составления отчетов. Нужно выяснить социальную, экономическую и политическую динамику обстоятельств, которые оказывают влияние на опыт ДН во время пандемии COVID-19. Это знание должно лежать в основе плана действий по борьбе с ДН. Что препятствует избавлению женщин от абьюзивных отношений во время катастроф, а что помогает им? Какие проблемы могут быть названы и что нам говорят успешные истории? Основываясь на интерсекциональном подходе, мы должны использовать наши знания, теорию и аналитику для выявления проблем, для действий и интервенций. Необходимо оказать поддержку тем организациям и инициативам, которые находят творческие пути совладания с этой новой реальностью. Мы должны переосмыслить наше отношение к ДН, ко всем формам гендерного насилия в этот период человеческой истории. Женщины и дети в условиях локдауна, находящиеся в закрытых помещениях со своими обидчиками, не могут ждать. ■

Адрес для связи: Margaret Abraham
<Margaret.Abraham@Hofstra.edu>

> Ковидный кризис: новые социологии и феминизмы

Карина Баттиани, исполнительный секретарь Латиноамериканского совета по социальным наукам *(CLASCO),* Уругвай и **Эстебан Торрес,** Национальный университет Кордовы, Национальный научно-технический исследовательский совет *(CONICET),* Аргентина



Изображение по лицензии Creative Commons.

Мегакризис, связанный с распространением COVID-19, создал новую ситуацию для социальных наук, когда все признали, что нельзя игнорировать, что мы живем в территориальных обществах, которые все более связаны друг с другом на глобальном уровне. Если до 2020 года социальные исследования все еще могли предлагать приемлемые оправдания игнорирования глобального подхода к процессам и явлениям, теперь это стало невозможным. Пандемия запустила процесс необратимого внимания к глобальности, которое рано или поздно окажет воздействие на все объекты исследования, и назад дороги нет.

Если не принимать во внимание существование глобального общества, то можно оказаться в ловушке серьезного анахронизма. Если в период морского судоходства покорение Америки вызвало материальную глобализацию, то очень вероятно, что репрезентации взрывов COVID-19 на наших цифровых экранах раз и навсегда определят глобализацию как интеллектуальный здравый смысл. Поэтому коллективная обработка аватаров COVID-19 не столько расширяет процесс материальной глобализации, сколько приводит к экспансии духовной глобализации. Мы не являемся свидетелями упадка микросоциальной чувствительности и субъективной сингуляризации. Наиболее вероятно, что мы наблюдаем вертикальный, резкий, непредставимый конец длительного процесса игнорирования и исторического отрицания мировых динамических гравитационных сил и их воздействия на конкретные общества.

> Механика научного производства в сфере социальных наук

Механизмы трансформации повестки дня в производстве знания, в общем-то, известны. Социальные изменения обычно сказываются на производстве знания в соответствии с двумя аксиомами. Во-первых, именно исторические события и процессы направляют производство знания в сфере социальных наук, а не наоборот. Распространение COVID-19 является «внешним» и объективным событием, которое оказывает колоссальное воздействие на социальные науки. Сорок лет назад другое «внешнее» для региона событие – запуск машины уничтожения военных диктатур в Южной Америке – привело к декомпозиции автохтонных оснований социологии, прерывающих импульсы глобализации, которые с большой скоростью развивались с начала 1960-х годов.

Во-вторых, здравый смысл опережает науку, но затем наука его переваривает. Так сначала появляется новое представление о принадлежности к глобальному миру в зародышевом виде, которое еще неспособно перекодировать себя с помощью новых теоретических и аналитических инструментов и практического действия. Если мы решимся серьезно анализировать феномен COVID-19, если мы погрузимся в его изучение с полным вниманием, мы должны позволить ему полностью поглотить нас. Будучи социальными учеными, мы, как правило, довольно спокойно принимаем предпосылку, что истина носит условный характер. Однако при этом мы не так просто соглашаемся с серьезными практическими последствиями такого утверждения, т.е. нам трудно согласиться с тем, что каждая созданная идея и каждое видение должно быть систематически разрушено или подвергнуться саморазрушению, чтобы возродиться снова, и это необходимо, чтобы избежать удобной жизни среди ложных позиций уже известного.

>>

“Всемирный кризис COVID-19 создает возможности продвигаться в сторону создания новых теорий всемирного общества для всех социологов. Новые представления о глобальном мире, опирающиеся на знания исторической локальности, позволят нам лучше справиться с растущей глобализацией социального, гендерного и экономического неравенства”

> Новые теории всемирного общества

Если всемирное общество нельзя считать продуктом одной локации, то, соответственно и теория всемирного общества также формируется множеством подходов. Всемирное общество (world society) подобно сети высокого уровня организации, в рамках которой происходит дифференциация, интеграция и формируются отношения всех национальных, региональных и глобальных социальных сфер. Можно предположить, что каждая единица социальной локации в мире представляет собой уникальную конденсацию, прямую или косвенную, этих трех взаимодействующих между собой сфер социальной жизни. Глобальное общество Германии не тождественно глобальным обществам Аргентины, Уругвая, Мексики, Чили или Китая. Однако все они на основе взаимодействия друг с другом составляют всемирное общество. Не существует единой для всех патриархальной системы или глобального капитализма. В социальной реальности существуют конкретные модели патриархата; аналогичным образом различается динамика подчинения, реализующаяся в центре и в периферических регионах мирового капитализма.

Признание принципа нередуцируемой дифференциации не отрицает возможности выявления универсальных регулярностей, но минимизирует вероятность того, что структурные отношения и процессы в разных локальностях будут иметь идентичную модальность. Признавая, что первичный субстрат общества имеет всемирный характер, мы тем самым предполагаем, что материал (предмет) социальных наук и социологии также является продуктом мировых процессов. Начиная с 1960-х годов, латиноамериканская социология перестала быть «инаковым» социальным знанием или простым отчужденным воспроизводством западной социологии и стала активным течением мировой социологии. В этом смысле мы считаем, что теория всемирного общества, которую необходимо построить, должна опираться на знание о тотальном сплетении взаимодействующих локаций, выстраивании баланса между собственной позицией в отношении этой дифференцированной тотальности и перспективами, открывающимися в других локациях. Такая практика расширения видения предполагает использование антропологического упражнения, попытку «встать на место Другого». Если опираться на это предварительное допущение, то не нужно покорять мир, собирая все существующее знание. Новый мировой порядок будет установлен благодаря формированию нового глобального диалога, способного произвести новый синтез, основанный на представлениях о мире, произведенных в различных исторических локациях.

Всемирный кризис COVID-19 создает возможности продвигаться в сторону создания новых теорий всемирного общества для всех социологов. Новые представления о глобальном мире, опирающиеся на знания исторической локальности, позволят нам лучше справиться с растущей глобализацией социального, гендерного и экономического неравенства. Если обратиться к критическим феминистским подходам, то станет совершенно очевидно, что глобализация этих воззрений может способствовать формированию конкретных программ структурной социальной трансформации. Глобализация феминистских перспектив является процессом интеллектуального приспособления к реальному разворачивающемуся политическому движению, которое по существу носит глобальный характер.

Что касается современной критической социологии, то проблема является более сложной. Дальнейшая глобализация ее подходов не обязательно ведет к развитию социально ангажированной науки. Еще в меньшей степени она ведет к потенциально трансформативной социологии. Необходима дальнейшая проблематизация понятия политической приверженности (political commitment) в современной критической социологии, что бы уяснить, почему она в течение десятилетий не производила экстра-академических политических эффектов. Мы считаем, что практики критической социологии должны содействовать общей политике (*policy*) социальных изменений. Развитие современной политически ангажированной критической социологии требует установления нового типа связи с политикой общественных движений и национальных политических партий. Задача заключается в том, чтобы покинуть комфортное академическое пространство так же, как это делали социологические течения до 1970-х годов (по крайней мере, в Латинской Америке) и как это делает критическая феминистская мысль сегодня. Новый подход к национальной политике требует интеграции принципа реальности, который является лучшим антидотом прото-радикальной критики как самоцели и максималистского утопизма, который не может конкретно объяснить, как возможно продвигаться на пути построения лучшего общества для всех. В свою очередь, политическая трансформация современной критической социологии является необходимым условием участия в мощном и конструктивном диалоге с феминизмом.

От нас зависит, хватит ли у нас сил, чтобы построить интеллектуальное, научное и политическое сообщество, представить коллективные инициативы, содействующие структурным изменениям наших обществ в это распадающееся историческое время. ■

Адреса для связи:
Karina Batthyány <kbatthyany@clacso.edu.ar>
Esteban Torres <esteban.torres@unc.edu.ar>

> Пугающий глобальный эффект COVID-19

Махмуд Зауади, Тунисский университет, член ИК08 «История социологии», ИК22 «Социология религии», ИК25 «Язык и общество»

Пандемия COVID-19 нанесла удар по наиболее фундаментальному социальному параметру коллективного существования человечества - по социальному взаимодействию. Какое влияние на нашу повседневную жизнь в будущем окажет социальное дистанцирование? Фото: : Wikimedia Commons.

Пандемия коронавируса – необычное катастрофическое событие мирового значения. Оно выдвинуло на передний план специалистов по здравоохранению, которые стремятся снизить показатели смертности и долю инфицированных пациентов, особенно в развитых обществах. Во многих странах были приняты вынужденные меры массового локдауна, который продолжался в течение нескольких недель. Примерами для других стран стали США и ВБ. Из этого следует, что кризис должен стать первоочередной заботой социальных ученых и его нужно анализировать не только с помощью количественных измерений, но и с помощью качественных подходов. Такой анализ может иметь огромное значение для нашей планеты в настоящем и будущем.

>>

> Социальные науки должны позаботиться о себе

Пандемия COVID-19 нанесла удар по наиболее фундаментальному социальному параметру коллективного существования человечества: по социальному взаимодействию. Лозунг «Оставайтесь дома» приобрел популярность в большинстве стран. Нормальное социальное взаимодействие было приостановлено в глобальном масштабе. Обычные социальные взаимодействия внутри общества и между обществами существенно изменились, и, возможно, впереди нас ожидают новые волны пандемии. Глобальное присутствие пандемии в настоящее время и потенциальное продолжение ее в ближайшие годы может стать основной заботой жизни отдельного человека и образа жизни, принятого в обществе.

Пандемия COVID-19 породила конкретные проблемы. С социологической точки зрения алармистская ситуация пандемии представляет собой новую глобальную социальную проблему, для осмысления которой социальные науки должны выработать новые понятия и новые инструменты, отличные, например, от тех, которые применял для анализа публичных взаимодействий Ирвинг Гофман (1922–1982). Опираясь на основные постулаты символического интеракционизма, он разработал словарь социологических понятий, которые способствуют истолкованию мельчайших деталей взаимодействия лицом к лицу. В условиях продолжающей глобальной пандемии, возникает необходимость в разработке потенциально новых социологических понятий, которые помогут проанализировать следующие последствия пандемии на людей: неопределенность жизни, существенное сокращение контроля над событиями, заботу лишь о непосредственном настоящем. Вполне возможно, что качественная социология лучше приспособлена для того, чтобы анализировать эту новую реальность. Однако, задача, стоящая перед социальными науками, имеет две стороны.

Во-первых, мы должны изучить текущие социальные и психологические воздействия пандемии на поведение людей и различную динамику обществ, которые переживают кризис, начиная с декабря 2019 года. В июньском и июльском номерах журнала *Scientific American* за 2020 год опубликованы статьи, посвященные социальному и психологическому воздействию Короны на людей, обсуждает вопрос о том, как пандемия может научить людей реагировать на такого противника. Июньский номер посвящен стрессу, который испытывают врачи и медсестры в государственных и частных больницах. И все же в августовском номере журнала превалирует успокаивающий тон в отношении коронавируса. Авторы статей показывают, что социальная дистанция является природным феноменом – ее придерживаются животные, стараясь избежать заражения от больных особей. И хотя вполне возможно, что это соответствует истине, очевидно, социальная дистанция остается проблематичной в долгосрочной перспективе для нормальной человеческой социальной интеракции.

Во-вторых, если в ближайшие месяцы или в течение года не будет найдено эффективное лечение, общества в глобальном масштабе должны будут подвергнуть предварительному осмотру (preview) пространства социальной жизни. Чтобы анализировать последствия пандемии оба типа исследований должны частично обновить свою методологию. Одним из важнейших последствий пандемии является ее влияние на социальную солидарность в различных обществах. Западные развитые общества описываются как индивидуалистические; причем сердцевина этого индивидуализма лишь усиливается сетями социальных медиа. Этика и практика социального дистанцирования и другие антипандемические меры, поощряющие социальную изоляцию, без сомнения, усиливают индивидуализм и одиночество не только на Западе, но и в других частях глобального мира. Таким образом, глобальный ущерб, который пандемия и ее последствия наносят нормальным социальным взаимодействиям между индивидами, группами, коллективами и обществами совершенно очевиден.

> Изменение климата и язык ненависти

Необходимо подчеркнуть две колоссальных проблемы, относящиеся к пандемии COVID-19: изменения климата и язык ненависти. Некоторые аналитики описывают пандемию коронавируса как результат действий человека, которые привели к загрязнению земли. Некоторые интерпретаторы считают, что загрязнение планеты, оказывая негативное влияние на изменение климата, с большой вероятностью приводит к возникновению новых опасных вирусов. В качестве примера приводится китайский город Ухань, где был обнаружен вирус. Чем бы ни была вызвана глобализация инфекции, она представляет собой загадочную и тревожную проблему, которая предлагает современным ученым быть более осторожными и скромными в своей научной деятельности. Научная этика различных дисциплин, прежде всего, должна серьезно относиться к минимизации потенциальных проблем, которые могут возникнуть в результате научной работы.

Что касается феномена глобального языка ненависти, создается впечатление, что он распространяется одновременно с пандемией и следует за нею. Язык ненависти представляет собой поведение, которое унижает, оскорбляет и исключает и дискриминирует людей на основе религии, цвета кожи, гендера и этничности. Его источником, как правило, является неблагоприятное или враждебное чувство или отношение к человеку, группе или целому обществу или цивилизации. Можно ожидать, что коронавирус станет еще одним пунктом в списке обстоятельств, вызывающих язык ненависти. Граждане стран, которые сильно пострадали от пандемии, сталкиваются с растущей дискриминацией и становятся адресатами языка ненависти, если они путешествуют за пределами своих стран. В связи с этим туристическая индустрия во всем мире очень сильно пострадала, и ее показатели не улучшатся в ближайшие месяцы и годы. Во всяком случае, таковы прогнозы ВОЗ, опубликованные в августе 2020 года. Мы наблюдаем парадокс. Глобальная пандемия COVID-19 должна была бы объединить общества, но ее влияние на дискриминацию и язык ненависти вряд ли способствуют этому. Таким образом, глобальная туристическая индустрия будет нести потери сегодня и завтра не только в связи с ограничениями мобильности, но также в связи с ростом дискриминации и распространением языка ненависти. ■

Адрес для связи: Mahmoud Dhaouadi
<m.thawad43@gmail.com>

> Постпандемийные сценарии:

от адаптации к коллективному научению

Алехандро Пелфини, Университет Сальвадора, Буэнос-Айрес, Латиноамериканский факультет социальных наук (FLACSO) в Аргентине, Аргентина

Изображение по лицензии Creative Commons.

Хотя мы все еще переживаем пандемию COVID-19, а произведенный ею эффект и ущерб трудно подсчитать, как и определить дату, когда она полностью окажется под контролем, социальные науки постоянно обсуждают различные сценарии постпандемийного мира. Глубина глобального кризиса, как и беспрецедентное влияние пандемии на повседневную жизнь и развитие капитализма в целом, столь драматичны, что размышления о сценариях будущего не ограничиваются обсуждениями доступности вакцин, перестройки систем здравоохранения и международной кооперации в рамках ВОЗ. Принимая во внимание тот факт, что пандемия является крупнейшим цивилизационным вызовом, эти размышления фокусируются на способности реального научения в экстремальной ситуации и способности к устойчивости (*resilience*) целых обществ перед лицом травматических ситуаций, при которых общества и человеческие существа страдают от беспрецедентной структурной уязвимости.

> Возможные постпандемийные реакции

Экономист Бранко Миланович показал, что международная система и конкретные общества вносили существенные изменения в модели своего развития и политической организации перед лицом глобальных кризисов, которые не ограничивались экономическими проблемами, но включали также проблемы общественного здоровья или великие войны. Примерами являются кризисы 1873 и 1919 годов. Таким образом, нет ничего утопического в том, чтобы предположить, что нынешняя пандемия также породит существенные изменения и способах производства, потребления, образе жизни, демонстрируя, в очередной раз, способность капитализма и модернити адаптироваться к новым вызовам и переосмысливать себя. Конечно, такая реакция не является непреложным законом, а зависит, во-первых, от активизации рефлексии, и, во-вторых, от политического действия, способствующего подобной трансформации.

В настоящее время первая реакция и в то же время один из возможных сценариев постпандемии – это частичное отступление (*particularist retreat*). Поскольку в некоторых странах это сценарий уже проигрывался (в США при Трампе, в Бразилии при Болсонаро), на нем не стоит долго останавливаться. Он заключается в продолжении ведения дел по-старому и возвращении к старой нормальности, в поисках убежища в рамках национального государства и игнорировании – наряду с другими проблемами – глобальных последствий пандемии и существующей сущностной взаимозависимости стран и обществ. Более интересно рассмотреть два возможных трансформативных сценария, которые основаны на активной жизнедеятельности людей и на рефлексивности обществ. Можно выделить два уровня или степени трансформации этих возможностей. Первый шаг связан с адаптацией, которая понимается как структурное приспособление предпочтений и интересов к новым сложностям окружающей среды.

>>

Второй уровень представляет собой более затратный процесс коллективного научения (он предполагает пересмотр валидности существующих предпочтений и интересов на основании морального обязательства сокращения вреда).

> Адаптация

Рассмотрим, как можно помыслить первичный сценарий адаптации, при котором три базовые социальные сферы (государство, рынок и гражданское общество) коммуникативно приспосабливаются к усложнившейся и проблематичной окружающей среде и при этом не собираются полностью отказаться от устоявшихся практик, которые уже продемонстрировали свою разрушающую силу. На международном уровне такой сценарий предполагает усиление многосторонних связей (*multilateralism*). На национальном уровне сценарий адаптации предполагает большее присутствие государства, которое сочетает инвестиции в здравоохранение с усилением секьюритизации и надзора за частной жизнью. Для рынка такой сценарий означает усиление коммерческого протекционизма и публичных инвестиций; углубление цифровизации, содействие кооперации с наукой, но без изменения в области защиты интеллектуальной собственности. Кроме того, ожидается до определенной степени восстановление производства (*productive economy*), в том числе так называемых существенно необходимых товаров и услуг за счет чистой финансиализации. Что касается гражданского общества, то при таком сценарии для него будет характерно ответственное потребление, разрешение проблем на как можно более низком уровне (субсидиарность), а также забота о себе. Особое внимание будет уделяться устойчивому развитию в рамках демократии низкой интенсивности.

> Коллективное научение

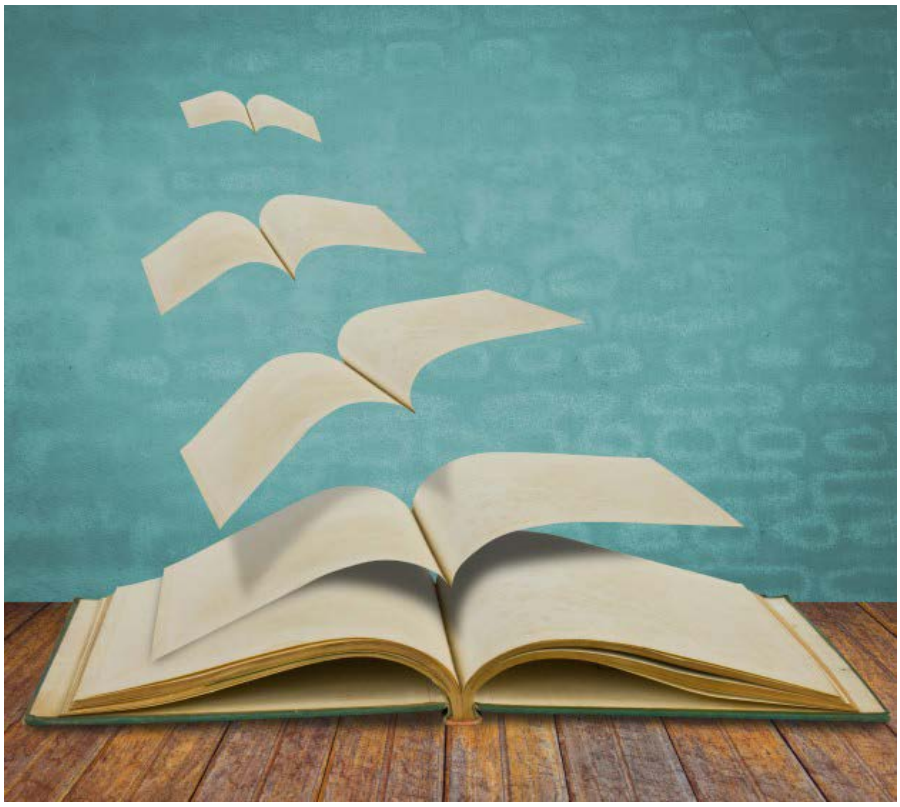
Возможна и другая реакция, требующая больших затрат, но и обладающая большим трансформативным потенциалом. Она предполагает углубление процесса коллективного научения, которое влечет за собой выход за пределы порядка переговоров и международной кооперации и освоение пространства глобального управления, фокусированного на производстве и сохранении общественных благ, снижении рисков и предотвращении катастроф. На национальном уровне такой сценарий предполагает, что государство развивает свою публичную политику на основе понятия заботы и сокращения неравенства в доступе к общественным благам. В сфере производства и потребления будет поддерживаться логистика коротких расстояний и местная торговля и производство. При этом ожидается усиление малых городов и экономики, основанной на переоценке «сущностно необходимых» видов деятельности. Не менее значимым при этом сценарии является становление более равного и инклюзивного режима взаимодействия между глобальным Севером и Югом, перспективы которого закладываются современными дебатами этих сторон об интеллектуальной собственности и патентах. Гражданское общество при таком сценарии в значительной степени будет состоять из сети «протребителей» (*prosumers*), как их назвал Дж. Рифкин, что подразумевает возникновение глокального уровня и сетей заботы, чувствительных к росту гендерного разнообразия. Такой сценарий предполагает создание пространств, открытых для трансформации и вдохновленных в процессе политизации такими альтернативными идеями, как постразвитие и отрицательный рост. Такая политизация гарантирует сохранение фундаментальных демократических принципов таких, как равенство и доступность общественных благ.

Какой из этих альтернативных сценариев имеет больше шансов на реализацию и отчего зависит их судьба? Мы уже осознаем ограничения первой нетрансформативной реакции и мало чего ожидаем от нее. Но все же развитие по этому сценарию еще возможно и он находит поддержку. Капитализм и модерность показали свои способности к адаптации, обновлению и даже инкорпорации наиболее радикальной критики (см. Болтански, Кьяпелло «Новый дух капитализма» [Boltanski & Chiapello, *The New Spirit of Capitalism*]. Поэтому вполне разумно предположить, что ответом на пандемию станет адаптивный сценарий и что он будет реализован почти механически в результате взаимодействия между экспертными системами, большими корпорациями (особенно теми, которые связаны с цифровизацией) и политическими акторами, которые рассуждают в краткосрочной перспективе. Вместе с тем, наиболее требовательный процесс коллективного научения зависит от радикализации и активации общественных движений и массовых организаций, которые выходят за пределы великого плана помощи и превенции рисков для здоровья. Они стремятся к установлению Нового Глобального Зеленого Курса или, лучше сказать, Экосоциального Южного Пакта. Согласно этому Пакту социальная справедливость всегда рассматривается в неразрывной связи с охраной окружающей среды, подразумевается постоянное ведение диалога между Севером и Югом, а центральное значение производительности труда замещает представление о первичном значении жизни. Несомненно, этот сценарий наименее вероятен. Но если учесть все ставки, то он представляется наиболее необходимым и насущным. ■

Адрес для связи: Alejandro Pelfini
<pelfini.alejandro@usal.edu.ar>

> Социологи в гражданско-политическом поле

Фреди Алдо Мачедо Уаман, Ибероамериканский университет, Мехико, Мексика



Изображение по лицензии Creative Commons.

С самого начала социологи были вовлечены в публичную жизнь обществ, к которым они принадлежали (примеры: Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Марианна Шнитгер, Джейн Аддамс). Они информировали общественность об условиях проявления неравенства, дискриминации и нищеты, о несправедливости и злоупотреблениях властью, о нарушении прав, о государственном пренебрежении общественным благом, жертвами которого становились значительные сегменты общества. Они также мотивировали возникновение информированной общественной дискуссии. Социологи вовлекались в обсуждение социальных проблем, используя при этом доступный для публики стимулирующий язык описания. При этом они не теряли критического духа и исследовательского призвания, а старались пробудить гражданскую совесть и поставить под сомнение действия власть имущих. В последнее время примером такого социологического профиля является деятельность Хелен Джефферсон Ленский (*Helen Jefferson Lenskyj*). Описывая роль ученых как публичных интеллектуалов в отношении своего собственного исследования, Хелен отмечает: «Социологи обращаются к таким социальным проблемам, как разрушительные последствия Олимпийских игр, стремятся выявить их основания и системы подавления, которые поддерживают их существование. Мы формулируем рекомендации для социальных изменений и работаем с сообществами для того, чтобы бросить вызов властям придержащим, хотя иногда мы не добиваемся успеха в этом отношении. Целью нашей критики часто бывают «священные коровы» – например, Олимпийские игры или официальная религия (иногда проблематика переплетается). Результаты наших исследований часто показывают, что «король-то голый!»

Сегодня появилось озадаченное, но творческое поколение социальных ученых, которые с нетерпением стараются разгадать загадки турбулентной эпохи неопределенности, в которой мы живем. Сохраняя наследие нашей дисциплины, они сохраняют чувствительность к повседневной жизни наших граждан и локальных сообществ и стараются создать инновационные и рефлексивные теоретические модели, которые способны осмыслить настоящее. На мой взгляд, именно такие задачи ставили перед собой Дэвид М. Фаррелл и Джейн Суитер, когда они погрузились в жизнь ирландского общества и стали активно участвовать в строительстве делиберативной демократии гражданского общества (*Reimagining Democracy* [Воображая демократию заново], 2019). Их работа привлекла внимание к собраниям граждан в Ирландии накануне референдума, результатом которого стали легализация абортов и узаконивание брачных союзов для всех граждан. Таким образом, научные теории получают социальную обратную связь, исследуются связи с акторами, что не только позволяет сформулировать социальные проблемы

>>

и исследовательские вопросы, но позволяет также сформировать диалог, необходимый для нового дизайна общественных учреждений и публичной культуры.

На повседневном уровне множество акторов сближаются, чтобы разрешить насущные проблемы своего политического сообщества – чтобы продвинуть свои интересы и представить свои потребности, развить свои навыки, поддержать сотрудничество и модели организации, канализировать инициативы и программы действий, выстроить пространства власти, которые стремятся инкорпорировать каналы общественного участия и демократических инноваций. В этих процессах участвуют также группы социологов и других профессионалов, разделяющие цели демократического участия.

> Новые роли социологов

Мы видим, что социологи, стремящие поддержать гражданское общество, могут занимать разные позиции в разнообразных сферах действия современных демократических обществ. Что же могут сделать социологи в пространстве между академическим миром и гражданско-политическим полем? Какую подготовку они должны получить, чтобы успешно действовать в этом пространстве?

В целом традиционные границы в научно-профессиональном мире являются устаревшими и не соответствующими современной ситуации возросшей сложности, взаимопроникновению и диверсификации различных сфер жизни и систем деятельности.

Отвечая на эти сложности, социологи, по большому счету, должны стремиться к тому, чтобы университеты и исследовательские центры, в которых они работают, стали более релевантными интересам, ограничениям, потенциалу и запросам гражданских и политических акторов, и вырабатывали во взаимодействии с ними общие модели. Во-вторых, опыт социологов в этих изменяющихся полях позволит очертить и уточнить горизонты планируемых изменений с учетом того, что уже сделано, опираясь на уроки прошлого опыта и содействуя гражданскому образованию, обучению и гражданской экспертизе.

На уровне публичной политики и гражданской активности социолог может выполнять функции консультанта-медиатора гражданской активности.

Вовлекаясь в гражданскую активность, социологи должны содействовать видению и исполнению, основанному на существенных аналитических операционных возможностях и руководствоваться творческими педагогическими диалоговыми риторическими и эмоциональными навыками и способами самоопределения, мобилизации и устойчивости (resilience), которые способны поддержать тех, кто выполняет роли гражданских и политических акторов или способствовать формированию таковых. В соответствии с этим приверженность социологов к этике, основанной на базовых ценностях демократической жизни (справедливость, свобода, плюрализм, толерантность, солидарность, критика и инакомыслие, умение слушать и сотрудничать), является конституирующим основанием их вовлеченности.

Обозначим конкретные предпосылки, необходимые для появления этих новых социальных и политических секторов. Активности социологов должны быть ориентированы на следующие цели:

- Совершенствование и развитие навыков и опыта внутренней (или единой для многих структур) организационной эволюции, которая предполагает усиление демократических процессов разного уровня.
- Целевое устойчивое продвижение в отношении достижения поставленных целей и конкретизация идеалов, центральных для их идентичности (в соответствии с демократическими ценностями и правами человека).
- Стремление к разработке платформы гражданского лоббирования, нацеленной на построение плана реконфигурации социальных программ с учетом их влияния и за его пределами.
- Прояснение вклада в разные сферы социальной реальности, который они могли бы сделать благодаря своей демократической практике (в кооперации с другими действующими лицами и экспертами), перенаправляя жесткие институциональные рамки к более инклюзивным инновативным способам объединения усилий государства и граждан.

Чтобы способствовать достижению этих целей, социологи должны обеспечить ряд познавательных процессов, среди которых важнейшими являются следующие:

- *Декодирование дискурсов, нарративов и систем воображения (imaginaries)* для их нового использования в коммуникации, а также культурных и политических проектах, имеющих существенное значение;
- *Медиация* конфликтов и напряжений, укорененных в организациях и за их пределами;
- *Сопровождение и толкование* политических, гражданских и публичных действий, направленных против государственной и частной власти;
- *Артикуляция* (или совместная разработка) проектов гражданской демократической публичной политики, которые будут приняты к действию гражданскими инициативами, сотрудничающими с социологами.

Сегодня граждане сталкиваются с двумя серьезными угрозами – крайним правым популизмом и огромной властью технологических корпораций (связанных с правительственными системами надзора). В этой ситуации они должны отвечать на эти угрозы ясной и активной позицией, занимая демократическую позицию и проявляя способность к управлению, которая обеспечит их устойчивостью и силой. Таким образом, ощущая необходимость обновления демократического проекта, они постараются перефокусировать свое политическое образование, интегрировать новое знание, развить гражданское сотрудничество и организационную ориентацию. Кроме того, социологи нового поколения должны построить мосты, соединяющие граждан с другими акторами, включая профессионалов в таких дисциплинах, как социология, политическая наука и антропология, которые будут включаться в гражданские инициативы, способствуя сочетанию аналитического и эмпатического подходов с энергией перемен. ■

Адрес для связи: Fredy Aldo Macedo Huamán <fredy.macedo@gmail.com>

1. См. https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/irish-referendums-deliberative-assemblies/.

> Замалчивание партнерского насилия
в Тринидаде и Тобаго

Аманда Чин Панг, Университет Вест-Индии, Сент-Августин, Тринидад и Тобаго

В Тринидаде и Тобаго, когда женщин, мужчин и детей убивают в результате насилия между интимными партнерами (НИП) или в результате вооруженного конфликта между группировками, это сразу становится известным. Однако фактически сразу же жертвы и выжившие замолкают, а виновники представляют банальные алиби, и таким образом жертвы обрекаются на вечное насилие.

В Тринидаде и Тобаго часто замалчивается убийство женщин, мужчин и детей в результате НИП и в ситуациях гендерного насилия. Смерть одной из жертв – Андреа Бхаратт – стала катализатором, который заставил выживших заявить о своих страданиях.

> Культура насилия

Антиковидные меры социальной изоляции привели к росту домашнего насилия, значительную часть которого составляют случаи насилия между партнерами по интимным отношениям.

Молчание жертв и невозможность избежать насильственных действий заставляет меня думать, что культура насилия глубоко укоренена в обществе тринбагонианцев. Друзья и родственники, знающие о происходящем, хранят молчание. Я призываю прекратить умалчивать случаи насилия и таким образом преодолеть глубоко укоренные колониальные практики. Бергнер (1995) в работе «Кто эта женщина в маске, или Роль гендера в книге Фанона "Черная кожа, белые маски"» [Who Is That Masked Woman? Or, the Role of Gender in Fanon's *Black Skin, White Masks*] освещает этот исторический контекст, для которого характерным является не только системный расизм, но и подчинение женщин мужчинам. Нехватка прямой политики в отношении НИП и исследований в этой области, несмотря на существенное влияние насилия на интимных партнеров и тех, кто от них зависит, заставляет меня предположить, что некоторые жители Карибских островов не видят ничего особенного в этом паттерне насилия. Вслед за Бреретон я называю такое нормализующее отношение «культурой насилия» (Brereton, 2010. "The Historical Background to the Culture of Violence in Trinidad and Tobago" [Исторические основания культуры насилия в Тринидаде и Тобаго]).

> Нормализация насилия

Мы можем обсуждать различные аспекты культуры насилия. Насилие в отношениях между интимными партнерами нормализовано на Карибах. Что же приводит к нормализации насилия в такой маленькой островной республике, как Тринидад и Тобаго? Вероятно, нормализация насилия объясняется невозможностью разрешить проблемы межличностных отношений. Может быть, партнеры считают насилие приемлемым в качестве способа разрешения конфликта. А может быть и то, и другое. Возникает вопрос, какой аспект культуры общества способствует и культивирует такое насилие, которое почти не вызывает публичного протеста? Может быть, НИП считается частным делом пары? Может быть, мужчины и женщины боятся предавать огласке опыт насилия?

Партнерское насилие – глобальный массовый феномен. Согласно статистике ВОЗ (*Violence Against Women fact sheet*), каждая третья женщина становится жертвой НИП, а 38% убийств женщин совершается их интимными партнерами (ВОЗ, 2017). Хотя эта статистика отражает мужское насилие в отношении женщин, фиксируются также случаи насилия женщин в отношении своих партнеров, а также насилия в гомосексуальных парах. Национальная коалиция борьбы с домашним насилием в США (*NCADV*, 2020) утверждает, что каждый девятый мужчина испытывал на себе одну из форм НИП, насилие при сексуальном контакте или сталкинг. Более того, согласно отчету этой организации, мужчины становятся жертвами насилия или навязанного сексуального контакта в основном со стороны мужчин. Эта же ситуация наблюдается в Тринидаде и Тобаго. По данным исследования Ле Франк и др., в Тринидаде и Тобаго 47.7% мужчин стали жертвами физического насилия, и 52% мужчин испытывали сексуальное принуждение в отношениях с близкими партнерами (Le Franc et al., 2008. "Interpersonal violence in three Caribbean countries: Barbados, Jamaica, and Trinidad and Tobago" [Межличностное насилие в трех карибских странах: Барбадосе, Ямайке, Тринидаде и Тобаго]).

Уилтшир отмечает, что маскулинность выучивается как власть, и этот паттерн усиливается благодаря семейной межпоколенной социализации, религии, школьно-

>>

> **“Если произойдет нормализация протеста против насилия, а насилие станет восприниматься как неприемлемая и ненормальная форма самовыражения и практики отношений, то стена молчания в этом вопросе будет разрушена и, в конце концов, отношения в парах улучшатся”**

му воспитанию, СМИ, и друзьям (Wiltshire, 2012. "Youth Masculinities and Violence in the Caribbean" [Юношеская маскулинность и насилие на Карибах]). Более того, Уилтшир отмечает, что мужественность проявляется в актах агрессии и насилия, и некоторые мужчины считают, что в некоторых случаях они имеют право дисциплинировать своих партнерш. Хотя и мужчины, и женщины являются жертвами интимного насилия, новостные ленты Тринидада и Тобаго переполнены сообщениями об убийствах женщин их сексуальными партнерами. Такой дисбаланс является эффектом того, что женщины гораздо чаще являются жертвами насилия со стороны мужчин-партнеров, чем наоборот.

Понимание маскулинности и феминности, которого придерживаются мужчины и женщины, предполагает неизбежность проявления мужского насилия в интимных отношениях, а также принятие этой практики и молчание по этому вопросу. Более того, такое поведение легитимируется в том случае, если женщина известна своим «недостойным» поведением, т.е. когда ее поведение выходит за пределы принятых на Карибах условностей. Однако мы считаем, что представления мужчин о том, как должна выражаться женская сексуальность и каковы допустимые модели феминности не могут служить оправданием для абьюза.

> Молчание как барьер для выработки политики в отношении НИП

Следует отметить те усилия, которые предпринимаются, что прорвать стену молчания и дать возможность жертвам рассказать о своем положении. В Тринидаде и Тобаго в 2018 г. была принята Программа борьбы с домашним насилием (под эгидой Министерства промышленности и торговли), а при Полицейском управлении учреждена специальная структура по борьбе с гендерным насилием. Инициативная программа ООН фиксирует рост случаев домашнего насилия в условиях COVID-19. Несмотря на эти меры, культура насилия и концепции маскулинности и феминности в Тринидаде и Тобаго отражают общее принятие культуры насилия в стране.

Усилия, направленные на изменение культуры замалчивания насилия и продвижение культуры, которая публично противостоит насилию, предполагают также развитие механизмов обеспечения безопасности и поддержки для людей, переживших насилие, терапевтическую помощь парам, которая способствуют душевному здоровью мужчин и женщин, а также помогает измениться мужчинам-виновникам насильственных действий.

Более того, необходима ресоциализация мужчин и женщин в отношении выражения своей сексуальности и гендерных ролей. Я уверена, что стыд и страх, переживаемые жертвами домашнего и сексуального насилия, а иногда и обидчиками, ложное чувство ответственности за произошедшее, которое общество навязывает жертве, приводит к умалчиванию насилия. Таким образом, основным барьером, препятствующим обращению жертв насилия обоего пола к полиции, является стеснение и стыд. Наши выводы подтверждают результаты исследования Уоллес (2019): «Домашнее насилие: виктимизация и необращение в полицию в случаях насилия в отношениях между близкими партнерами в Тринидаде и Тобаго» [Walles, "Domestic Violence: Intimate Partner Violence Victimization Non-Reporting to the Police in Trinidad and Tobago"]. Несмотря ни на что, ответом на насилие является молчание, которое часто заканчивается убийством.

Если произойдет нормализация протеста против насилия, а насилие станет восприниматься как неприемлемая и ненормальная форма самовыражения и практики отношений, то стена молчания в этом вопросе будет разрушена и, в конце концов, отношения в парах улучшатся. ■

Адрес для связи: Amanda Chin Pang <amandalall91@gmail.com>

> Возможность заботиться о мире

Франческо Ларуффа, Женевский университет, Швейцария

К людям нужно относиться как к «агентам», которые совместно принимают решения о направлениях социальных изменений. Рисунок семилетнего Маттео Ларуффа.

Пандемия COVID-19 породила различные обсуждения того, что ждет «мир после Короны» и «какого будущего мы желаем». Основная мысль заключается в том, что пандемия не только является трагическим последствием неолиберального капитализма и свойственной ему сверхэксплуатации природы (напр. в виде дефорестизации): пандемия также создает возможности переосмысления нашего общества и способов его организации. Тем не менее, консенсуса по поводу воображаемого будущего не существует. Кто-то ратует за «инклюзивный зеленый рост» и Зеленый Курс, способствующий созданию «зеленых рабочих мест». Такая позиция концентрирует внимание на технологической инновации, необходимой для достижения устойчивости окружающей среды при сохранении стиля жизни людей (консюмеризма) и капиталистических структур (напр. при асимметрии власти между нанимателями и работниками). Другие участники дискуссии ориентированы на более глубокую «социально-экологическую трансформацию», которая предполагает подчинение экономики задачам удовлетворения социальных и экологических потребностей, а не ориентацию исключительно на извлечение прибыли.

В этом тексте я предлагаю радикальное толкование теории возможностей (*capability approach*), разработанной Аматией Сеном и Мартой Нуссбаум, и применяю ее для разработки проекта эмансипационного и устойчивого будущего. Очевидно, что осмысление достойного будущего не является исключительно социологической (или философской) задачей. Будущее должно быть построено совместными усилиями демократическим путем с привлечением гражданского участия. Я считаю, что теория возможностей позволяет выработать демократическое понимание «будущего, к которому мы стремимся».

> Радикальная интерпретация возможностей

Теория возможностей считает, что публичное действие должно содействовать развитию возможностей людей, т.е. их реальной свободе вести жизнь, которую они считают

>>

достойной. С этой точки зрения, прогресс общества отождествляется не с экономическим ростом, а с уничтожением препятствий человеческого процветания. Публичная политика должна способствовать расширению способности людей к достижению значимых материальных и духовных целей, т.е. к реализации их разумной концепции «достойной жизни». Этот акцент заставляет нас обсуждать конечные цели, выяснять, что же действительно является значимым. Теория возможностей также приписывает ключевую роль демократии. Демократическое участие выполняет не только инструментальную функцию (позволяя гражданам озвучить свои чаяния, а публичной политике учесть их интересы), но играет также и созидающую роль, формируя общественные приоритеты (поскольку представления о достойной жизни формируются в процессе волеизъявления) и даже индивидуальные ценности.

На этом основании я считаю, что теория возможностей может иметь более радикальное толкование, чем то, которое она получила в господствующих политических кругах. В самом деле, связь между возможностями и экономическим ростом может быть поставлена под сомнение. Доминирующая интерпретация теории утверждает, что рост является не самоцелью, а средством достижения значимых целей. Однако, принимая во внимание его разрушительные последствия для окружающей среды и слабое влияние на человеческое благополучие, можно считать, что экономический рост не является даже подходящим средством, и публичная политика должна отказаться от него в любом качестве. Во многих случаях экономика растет за счет человеческих страданий и экологических катастроф. Так, антропоморфное землетрясение становится механизмом экономического роста в строительной отрасли, а загрязнение окружающей среды является результатом производства и производителем различных заболеваний. Даже то, что на первый взгляд представляется положительным эффектом экономического роста, в реальности разочаровывает. Изобилие, например, способствует стяжательски-материалистическому и соревновательно-индивидуалистическому видению достойной жизни, что, в конечном счете, подрывает благополучие. Таким образом, западный образ жизни является не просто неустойчивым: желательность такой модели «развития», основанной на экономическом росте, вряд ли способствует благополучию.

Сходным образом, центральное для теории возможностей представление о том, что индивиды должны быть «агентами» стала весьма влиятельной в политическом мире. Однако это понимание отождествляет агентов с экономическими акторами, участниками рынков. При этом происходит маргинализация фигуры демократического гражданина, который должен принимать участие в решении вопросов о направлении социальных изменений. Именно в таком варианте теория возможностей кооптирована неолиберальными индивидуалистическими интерпретациями «усиления властной позиции», которые редуцируют человеческую свободу, сводя ее к участию в экономике, в особенности в рынке труда. Возможность в такой интерпретации стала синонимом человеческого капитала, т.е. набора навыков, необходимых человеку для того, чтобы он бы успешным экономическим актором.

Отрицая экономический рост и вовлеченность в капиталистическую экономику как желаемые цели общественной деятельности, более радикальная интерпретация теории возможностей предполагает наделение граждан властью для совместного определения направления социальных изменений, обсуждения смысла развития, прогресса и качества жизни в терминах конечных целей. Такая интерпретация предполагает сокращение значимости рынков в формировании нашей коллективной судьбы, и (частичную) замену их участвующей-делиберативной демократией.

> Фокусирование общественной деятельности на «возможности заботиться о мире»

На мой взгляд, теория возможностей может отлично сочетаться с «этикой заботы», которую разрабатывают феминистские теоретики. Джоан Тронто полагает, что понимание заботы свидетельствует о том, что заботит нас как общество. Капитализм представляет собой систему, основанную на заботе о прибыли, при которой люди поощряются в соответствии с их участием в производстве прибыли. Однако мы могли бы построить общество, в котором приоритетом была бы не прибыль, а забота о других людях (детях, стариках и больных), об окружающей среде (в форме ее защиты или восстановления), о демократических институтах и о себе (спорт, искусство, образование и пр.).

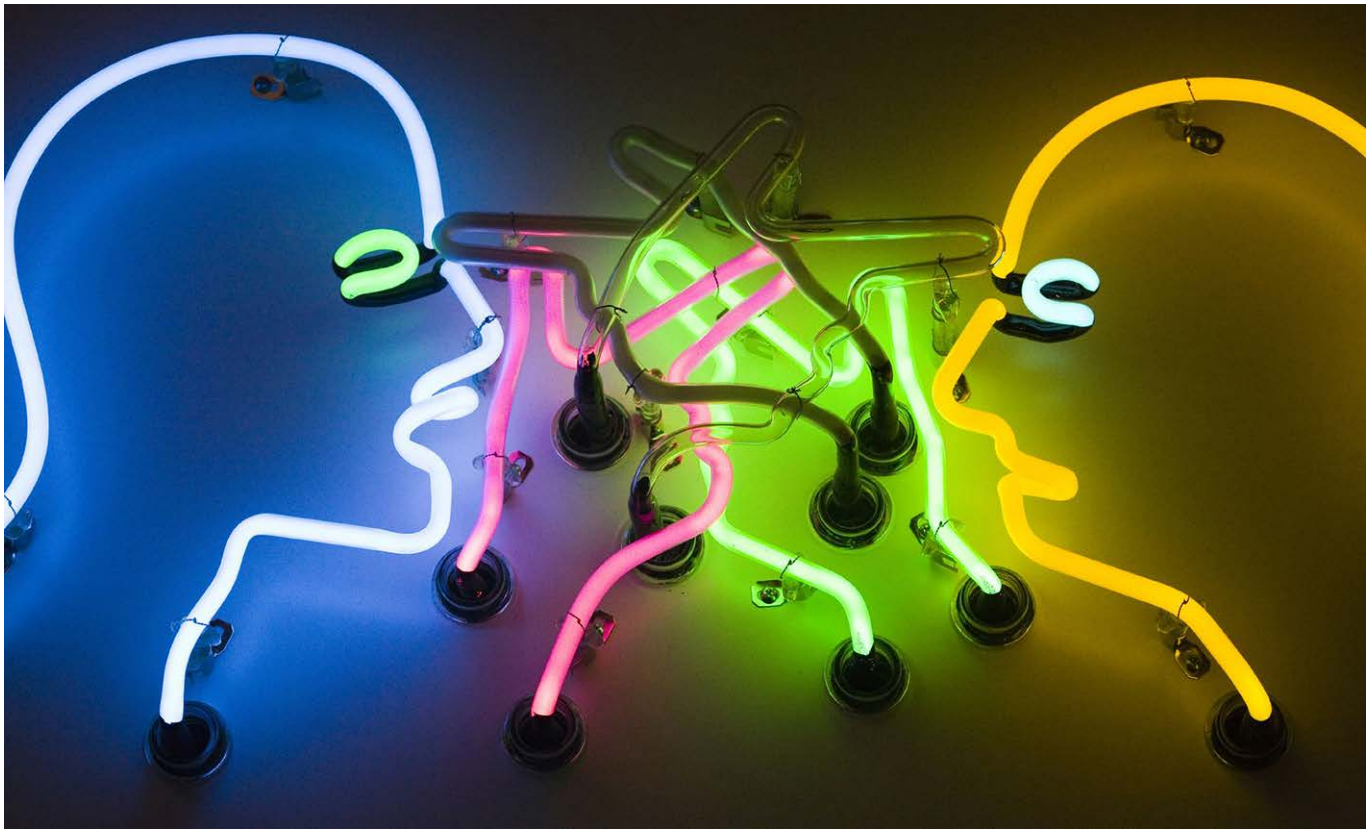
При таком подходе большее вознаграждение получило бы социальное воспроизводство, а не производство, а работа понималась бы как забота о мире. Смысл этих слов должен быть прояснен демократическим обсуждением. В таком случае демократия могла бы (частично) заместить рынок в установлении то, что представляет собой достойный вклад в благополучие общества. Понимание работы, основанное на ее «общественной полезности», а не на рыночной стоимости, становится значимым во время пандемии, когда мы обсуждаем роль работников, производящих сущностно важные блага (*«essential» workers*). Повестка дня, вытекающая из такого подхода, будет противостоять распространению «дерьмовых работ» (Дэвид Грэбер) капиталистического общества, и будет содействовать тому, чтобы люди получили возможность осуществлять значимую работу. Последняя представляет собой деятельность, осуществляемую на рынке труда или за его пределами, которая позволяет индивиду развивать свои человеческие возможности и является «объективно» значимой для общественного благополучия. При этом все граждане могут на равных принимать участие в демократическом обсуждении того, что представляет ценность, а что – нет (Рут Йомен).

Итак, если теория возможностей будет интерпретирована как критика капитализма, она сможет вдохновить нас на понимание «заботы о мире» как цели общественной деятельности. Такая цель должна заместить стремление к экономическому росту или участие людей в рынке труда. «Возможность заботы о мире» предполагает право участия в обсуждении того, о чем стоит заботиться. ■

Адрес для связи: Francesco Laruffa <Francesco.Laruffa@unige.ch>

> Люди как *homo culturus*

Махмуд Зауади, Тунисский университет, член ИК08 «История социологии», ИК22 «Социология религии», ИК25 «Язык и общество»



Люди – это не только говорящие животные, но и пользователи различных культурных символов. *Язык должен интерпретироваться как основание формирования и проявления этих культурных символов. Фото: Flickr/ Thomas Hawk.*

Понятие *homo culturus* не употребляется в социальных науках. Экономисты и сторонники материалистических взглядов описывают человека как *homo oeconomicus*, в политических науках используется термин *homo politicus,* а социологи рассматривают человека ка социальное существо, или *homo sociologicus*. Поскольку сегодня все большее распространение имеют числа, некоторые исследователи говорят о *homo numericus*. Несмотря на то, что предметом антропологов всегда являлось изучение культуры, они не пользуются термином *homo culturus*. В социальных науках господствует позитивистская эпистемология. Она утверждает, что основанием знания является чувственный опыт. Ведущие социологи подтверждают влияние этой эпистемологии. Лесли Уайт в книге «Понятие культуры» [*The Concept of Culture*, 1973] упоминает, что Ральф Линтон, Рэдклифф-Браун и другие считали культуру абстрактным понятием или чем-то не существующим материально и не обозначающим конкретной реальности. Социальные ученые-позитивисты вряд ли будут проявлять интерес к культуре как внечувственному и неопределенному феномену.

> Настойчивое влияние позитивизма

Осторожность в отношении термина «культура» высказывают также «отцы-основатели» западной социологии. Такие теоретики культуры, как Вебер, Дюркгейм, Маркс, Парсонс и Миллс, следуют «слабой программе» в отношении культуры. Именно поэтому в своих публикациях они придают меньшее значение культуре. Позднее представители бирмингемской школы, Бурдье и Фуко точно так же следуют «слабой программе» изучения культуры. Этот тренд до сих пор преобладает в социологических исследованиях, несмотря на то, что, начиная с «культурного поворота» конца 1990-х годов, все большее внимание приобретает «сильная программа» социологии культуры.

>>

> В поисках *homo culturus*

Проводимые мною исследования случайно привели меня к длительному изучению культуры. В 1990-е годы интеллектуальная любознательность заставила меня разработать теоретический подход, который помог бы истолковать и объяснить поведение людей и динамику человеческих обществ. Социолог Ричард Сведберг в книге «Искусство социальной теории» [*The Art of Social Theory*, 2014] утверждает, что социологическое теоретизирование находится не на очень хорошем уровне. Я почувствовал, что готов рискнуть и предпринять теоретическое приключение. Я начал с формулировки следующего методологического вопроса: что должно стать исходной позицией в исследовании загадочных сил, которые лежат в основании поведения людей и общественной динамики? Я решил начать, прежде всего, с выявления особенностей, отличающих людей от других видов животных. Я решил начать свое исследование с нулевой отметки. Стараясь выделить собственно человеческие черты, я пересмотрел множество вариантов и, в конце концов, обнаружил, что искал. Этим основанием являются культурные символы (КС), т.е. язык, мышление, знание, религия, законы, мифы культурные ценности и нормы. Изучение КС является фундаментом для понимания и объяснения человеческой поведения, общественных явлений и процессов. Эти теоретические изыскания заставили рассматривать язык как принудительную силу (*compelling force*), лежащую в основе КС: язык является «матерью» КС. Таким образом, человек является не только говорящим животным, как писали древние философы, он является усердным пользователем КС. Так родилась моя версия фразеологизма *cogito ergo sum*: «я пользуюсь языком, значит я человек».

Эти теоретические предпосылки привели к полевым наблюдениям, которые укрепили понятие *homo culturus*. Я выделяю четыре отличия человека от других живых существ, которые объясняют, почему отдельные индивиды принадлежат к категории *homo culturus*.

> Основные отличия человека

Как показано выше, центральное положение КС в определении человеческой идентичности может считать *новым* для современных социальных наук. Ниже приводится мое толкование КС как ядра человеческой идентичности (*homo culturus*):

1) Рост и созревание человеческого тела происходит гораздо медленнее, чем у других живых существ. Так, например, дети, как правило, начинают ходить в возрасте одного года, а детёныши животных могут передвигаться как взрослые особи сразу после рождения или через несколько часов.

2) Люди *живут дольше* других животных.

3) Человечество, безусловно, занимает *господствующую позицию* в планетарном масштабе.

4) *Преимущества* людей перед животными обеспечиваются КС.

5) Человеческая идентичность имеет две составляющих: *тело* и *КС*. Это двухмерная идентичность часто представлена в религии и философии как дуализм души и тела.

> Теоретические находки КС

Люди медленно растут и созревают как телесно, так и в отношении освоения КС. Таким образом, по своему целостному развитию люди являются *двумерными* существами. Прочие животные в основном являются *одномерными* существами (у них есть только тело), поскольку они не используют КС в широком сложном человеческом смысле. Именно потребность развиваться на двух уровнях является причиной медленного роста и созревания человеческих существ. Иными словами, замедление телесного роста вызвано тем, что человеческие существа включены во *второй процесс* роста и созревания – в отношении КС.

Понятие КС поможет ответить на вопрос, сформулированный на обложке специального выпуска журнала *Scientific American* (сентябрь 2018): «Человеческие существа: почему мы не похожи на других животных, живущих на планете?» Люди отчаются от животных именно благодаря КС. Ниже приводится иллюстрация, объясняющая визуально, почему человек – это *homo culturus*.

> *Homo culturus* и принцип экономии

Мы только что проиллюстрировали, что КС может объяснить 4 основных отличия человека от животных. КС может объяснить бесчисленные более мелкие отличия поведения человеческих существ, групп людей и разнообразие динамики обществ и цивилизаций. Таким образом, понятие КС соответствует принципу экономии: использование наименьшего числа переменных в объяснении максимального числа феноменов. ■

Адрес для связи: Mahmoud Dhaouadi <m.thawad43@gmail.com>

> Террористические акты в Норвегии 22 июля 2011 года

Пол Халворсен, редактор журналов издательства Scandinavian University Press, Норвегия

Главное здание лагеря на острове Утойя, где в результате теракта было убито 69 человек. Автор фото: Пол Халворсен.

«Происходят реальные события, но мы имеем дело с их репрезентациями»

Дж. Ч. Александер, Р. Гао (2012)

Фьотольф Хансен, больше известный по своему прежнему имени Андерс Беринг Брейвик, 22 июля 2011 совершил в Норвегии два террористических акта: один – в правительственном здании Норвегии, другой – в летнем лагере Рабочего союза молодёжи в поселке Утойя. Сегодня, десять лет спустя, норвежское общество до сих пор старается ответить на вопросы, которые были поставлены после этих событий. В результате этих терактов было убито 77 человек и гораздо больше людей было ранено. Сразу после трагических событий обсуждался вопрос о международном влиянии на террориста. При этом норвежское общество предприняло множество действий, стараясь выработать практические решения сразу после описанных событий. Многие обозреватели и аналитики подчеркивали время совершения терактов, которые произошли в середине лета, когда многие жители покидают Осло, и большинство горожан находится в отпуске. Это обстоятельство делает общество еще менее готовым к таким ужасным событиям, а реакцию не столь быстрой, как можно было бы ожидать. Что касается самого террориста, который, сдаваясь властям, назвал свое полное

>>

имя и перед самыми терактами широко распространял «манифест», поиск ответов на вопросы о его личности начался с анализа доступных документов. Два психологических экспертных совета освидетельствовали Брейвика на предмет его вменяемости, но пришли к противоположным заключениям. Первая комиссия пришла к заключению, что террорист является шизофреническим параноиком; вторая комиссия пришла к выводу, что он страдает от нарциссических нарушений личности, но во время терактов был вменяем. Региональный суд г. Осло счел Брейвика виновным и психически здоровым. Его присудили к максимальному сроку заключения – 21 год с возможностью продления. Во время тюремного заключения Брейвик сменил имя. 15 марта 2019 года Брентон Тарант совершил антимусульманский теракт в г. Крайстчерч в Новой Зеландии. Он открыто признал, что Брейвик является для него примером, и дата 22 июля снова стала фигурировать в международных новостях.

Как и 9/11, эта дата стала обозначением культурной травмы, возникшей в результате событий. Она не только соотносится с историческим событием, но и обозначает процесс, который за ним последовал. Теракты стали событиями, которые поставили вопрос о коллективной идентичности и проблематизировали предшествующие концептуализации того, что значит быть норвежцем. Так, например, Норвежская конфедерация профсоюзов спрашивает: «Как кто-то из нас мог стать массовым убийцей?». Подобный способ обсуждения коллективных оснований произошедшего является одним из индикаторов культурной травмы.

Существует большой международный, не только норвежский, поток литературы, посвященной 22 июля. Возможно, наиболее известной является документальная книга Осне Сейерстада с говорящим названием «Один из нас» [Åsne Seierstad, *One of us*]. Среди научных публикаций отметим изданную в 2014 году монографию антрополога Синдре Бангстада «Андерс Брейвик и подъем исламофобии» [Sindre Bangstad, *Anders Breivik and the Rise of Islamophobia*], в которой глубоко анализируются идеологические мотивации терроризма. Если Бангстад изучает исламофобию как важнейший контекстуальный фактор, Свейнунг Сандберг анализирует личные нарративы, представленные в «манифесте» Брейвика и выявляет четыре различных интерпретации этих текстов. Они могут рассматриваться «как стратегические, детерминированные, целостные или фрагментированные». Он также подчеркивает, как различные способы описания Брейвика отражают борьбу между антиисламистами, фокусирующими внимание на действиях террориста, и представителями левых сил, которые рассматривают структурные факторы, создающие условия для распространения терроризма. Среди других направлений исследования можно упомянуть, например, исследования СМИ, дискуссию о мультикультурализме, доверии, гражданском участии и политике противодействия терроризму. Все эти исследования в основном посвящены последствиям 22 июля. Еще одно важное последствие терактов, которое нужно упомянуть – это государственная финансовая поддержка создания в Университете г. Осло Центра исследований экстремизма (*Center for Research on Extremism, C-REX*). По словам Синтии Миллер-Идрисс, «в настоящее время Центр получил широкое признание как учреждение, предоставляющее наиболее полную научную и социально-политическую экспертизу в отношении глобального крайне правого экстремизма».

В этой статье мы не имеем возможности представить полноценный обзор исследований, посвященных 22 июля, однако некоторое представление об этом поле дают статьи, опубликованные в тематическом номере *Norwegian Journal of Sociology* [Норвежского журнала социологии], который редактировали я и Туре Рафосс. Эти статьи посвящены различным темам. Первая статья «Доверие после террористических актов в Норвегии, Франции и Испании» ["Trust in the aftermath of terrorism in Norway, France and Spain"] рассматривает значимость нарративов как элемента доверия граждан после терактов в отношении политиков и общества. Исследователи сравнивают теракты в Ницце (2016) и Барселоне (2017).

Вторая статья, «Национальные мемориалы как ответ терроризму» ["National memorials as a response to terrorism"], посвящена работе памяти. В ней анализируется создание национальных мемориалов в Осло и Утойе, который сравнивается с Национальным Мемориалом в Оклахоме и Мемориалом 9/11 в Нью-Йорке. Статья обсуждает, как парадоксальным образом национальные мемориалы часто маскируют политическое измерение исторических событий и актов поминовения.

Третья статья, «Роль суда после 22 июля» ["The role of the court after 22nd of July"], обрисовывает исследовательскую программу социологии права, документируя отношения между судом, выжившими жертвами терактов, работой памяти и реконструкцией. Целью такой исследовательской программы является дальнейшее выяснение реакции суда на чрезвычайные события.

В разделе книжных обзоров представлены книги Синтии Миллер-Идрисс «Ненависть на родине» [Cynthia Miller-Idriss, *Hate in the Homeland*], антология под редакцией Анне Йельсвик «Способы проработки» [Anne Gjelsvik, *Bearbeidelser*], книга Эйрика Хойера Лейвестада «Страх и ненависть в условиях демократии» [Eirik Høyer Leivestad, *Frykt og avsky i demokratiet*] и работа Халльварда Нотакера «Партия труда и 22 июля» [Hallvard Notaker, *Arbeiderpartiet og 22. Juli*].

Все эти публикации показывают, что в изучении феномена 22 июля сила социологии заключается в широте охвата тематики. ■

Адрес для связи: Pål Halvorsen <pal.halvorsen@universitetsforlaget.no>